

Рафаэль Май

МИРОЗДАНИЕ

*Время - странник в
пространстве. Человек - путник
во времени. И всегда будет что-
то, что больше вечности и больше
бесконечности...*

Рафаэль Май

Мироздание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36063843

SelfPub; 2024

Аннотация

Что может связывать молодую русскую художницу, готовящую свою первую выставку, и несостоявшегося американского писателя? Гадалку из Марокко и шизофреника из Лионской психиатрической больницы? Возможно, это нечто, что объединяет и события, происходящие на разных концах Земли: автомобильную аварию в Санкт-Петербурге, пожар в московской квартире и научную конференцию в Лионе... Череда случайностей и смертей сводит незнакомцев, которые не подозревают, что знакомы друг с другом задолго до судьбоносной встречи...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	54
Глава 3	97
***	114
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Рафаэль Май

Мироздание

Глава 1

* * *

Она стояла на краю. Еще нигде жизнь и смерть не были так близко друг к другу. Вокруг и внутри – пустота. В ее жизни не было ничего, за что можно было уцепиться. Шаг назад – это шаг вперед. Шаг к жизни. Но сделать его – означало снова оказаться у пропасти и зависнуть над пустотой. Такой была ее жизнь. Не хватало смелости сделать этот прыжок, чтобы все закончить и умереть. И уже не оставалось сил отступить, чтобы жить.

Соленые, как море, слезы обжигали ее нежное лицо. Который раз она стояла тут... Сегодня она не оглядывалась назад не потому, что не хотела. Просто не на что было оглядываться. Снова и снова здесь ей приходилось осмысливать свою никчемность. Прыгни она вниз, никто и не заметил бы ее смерти. Такой же незаметной оставалась и ее жизнь.

Она чувствовала пустоту... Ощущала себя пустотой. И ее пугала лишь неизвестность, что ждала внизу. Но еще

больше ужасала предопределенность, встреча с которой была неизбежна, не сделай она этого шага.

Она продолжала стоять под дождем, и капли этого дождя смешались с ее слезами...

* * *

Кэтрин стояла на краю пустой крыши. Она не раз наблюдала тут за вечерним и ночным небом. Всегда одна. Одна она была и сегодня. Только теперь она уже не собиралась провожать закат. В этот раз она хотела, чтобы закат проводил ее... Она устала. С каждым днем ей становилось все труднее придумывать оправдание собственной никчемности. Она еле держалась. И словно само небо, то самое небо – то единственное, что она любила в бессмысленной жизни – сегодня плакало вместе с ней...

– Привет!

– Питер! – вскинул Уолт от неожиданности. – Сколько раз можно говорить, прежде чем войти, надо стучать?!

– А сколько раз тебе можно говорить, что на меня все эти правила не распространяются? И вообще... Что ты тут сидишь в темноте, как летучая мышь? – Питер расправил шторы.

– Ты меня отвлекаешь, – угрюмо буркнул Уолт и продолжил работу с ноутбуком.

– Да что ты там делаешь? Все никак не расстанешься с

безумной идеей написать книгу? – Питер замолчал в ожидании, как искривится физиономия друга.

– Знаешь, я никогда не сомневался в твоей способности выводить меня из себя. Но сегодня у меня отличное настроение. И даже ты мне его не испортишь!

– Так каков же сюжет? – спросил Питер, копаясь в завалах бумаг на столе

– Да.

– Действительно. Вполне логичный ответ.

– Ты меня отвлекаешь!

– Может, куда-нибудь сходим? Например, в бар? Сколько можно возиться с этим романом?

– Я только начал.

– Не ври. Ты пишешь его уже год.

– Тебе не понять.

– Может, попробуешь объяснить?

– Ты, кажется, собирался в бар, – наполнил Уолт.

– Да, с тобой! – Питер не отступал, ведь лучшей компании сегодня ему было уже не найти.

– Может, и вправду проветриться...

– Чувак, – друг хлопнул по плечу Уолта. – Кружка пива вдохновению не повредит!

Молодые люди вышли на улицу и направились в сторону местного бара. В это время ночная жизнь пригорода только начинала закипать, хотя она была далека от шумных будней мегаполиса.

В маленьком зале нарастала волна недоумения. Никто не ожидал, что обычный семинар превратится в горячую дискуссию. Не умолкали голоса ошеломленных студентов, а увлеченный монологом профессор продолжал поражать коллег собственными теориями. Казалось, семинар уже давно вышел за рамки темы, которая была предложена к обсуждению.

– Ну и с чего же, по вашему мнению, все началось, профессор Блек? – послышался чей-то голос.

– Предположим, была пустота, – на его предисловие слышалась чья-то ухмылка в виде короткого «И?».

– Позвольте мне продолжить... Итак, сначала была пустота. Но что такое пустота? Можно представить пустую емкость, пустой лист бумаги, но представить пустой мир весьма сложно. Не так ли? – профессор снова обратился к залу, но аудитория его решительно проигнорировала. – Сначала не было ничего, но раз ничего не было, не откуда было взяться и самой жизни. И откуда же тогда такое множество космических тел, звезд и планет, что мы даже не можем определить реальные размеры Вселенной: настолько она велика.

– И что вы хотите этим сказать? – неожиданно спросил профессор Беккер.

– Все имеет объемы, лишь в математике существуют

неограниченные функции, которые уходят в бесконечность или приближаются к асимптотам, никогда не пересекая их. Я думаю, профессор Коул понимает, о чем я говорю, – и тут он обратил свой взгляд на математика, который продемонстрировал свое согласие кивком. – Конечно, вполне возможно, что и жизнь во Вселенной организована на аксиомах и теоремах высшей математики, и в поисках конца мира мы будем лишь бесконечно приближаться к его границам, но не сможем даже коснуться их. Если это так, что же находится за ее пределами? Кто сможет дать ответ на этот вопрос?

– Пустота или новая Вселенная? – кто-то из наиболее любознательных студентов, сидевших в зале, решил присоединиться к обсуждению.

– Ограниченность и узость нашего мировосприятия не позволяет нам оценить неограниченность и необъятность Вселенной, – профессор, не отвлекаясь на сказанное, продолжил свою мысль, – которая, как утверждает наука, возникла в результате Большого взрыва – катаклизма, вызвавшего появление огромного плотного раскаленного шара, – сказал он и, чуть-чуть отдышавшись, продолжил. – Но откуда взялся горячий огненный шар, если была пустота? Ведь как гласит закон сохранения: энергия ниоткуда не берется и никуда не пропадает. В пустом аквариуме сами по себе рыбки не появятся. Мы приходим все к большим противоречиям, – казалось, профессор хотел на этом закончить, но из зала послышался уже знакомый голос.

– Значит, если что-то и было изначально, так это все-таки хаос? – молодой человек оказался настойчивей. Ему не понравилось, что в первый раз его проигнорировали.

– Послушайте, вам не кажется, что мы все больше отдаляемся от предмета темы, которая здесь была открыта, – заявил профессор Конорз. – Время не резиновое. К великому сожалению, нам все-таки придется завершить нынешний разговор и все оставшееся время посвятить проблемам и возможностям использования математики в философии и психологии, ради чего мы собственно все здесь и собрались.

Но профессор Блек не обратил внимания на замечание своего коллеги и, найдя глазами в зале любознательного студента, переспросил молодого человека:

– Хаос?

– Хаос, – отозвался юноша, которому на вид было не больше двадцати. – Мир вращался в неупорядоченном скоплении энергии, фотонов и прочих мельчайших частиц. И время сумело расставить все по своим местам, превратив нашу Вселенную в русскую матрешку. Одна система вложена в другую: планеты – часть Солнечной системы, Солнце – часть Млечного пути, Млечный путь – одна из миллиардов галактик, которые вместе образуют Вселенную.

– Выскочка! – закатив глаза, шепнула подруге одна из студенток.

Взоры слушателей устремились в конец зала, откуда молодой человек обращался к докладчику. Профессор Конорз

понял, что его попытки остановить дискуссию не увенчались успехом, и решил не продолжать, посчитав, что семинар уже и без того сорван.

– Возникает вопрос, в состав чего тогда входит Вселенная? – тема заинтересовала профессора Коул, и тот решил отвлечься от важного звонка. – Вряд ли она существует сама по себе. Ее возраст – всего лишь пятнадцать миллиардов лет. А что было раньше, до того как она образовалась? Кто стал ее прародителем?

– В вопросе об истоках жизни мы снова уходим в подобную зеркальному коридору бесконечность. Но что такое бесконечность? Еще одна абстракция, – профессор Блек, посмотрев на недовольного Конорза, решил завершить обсуждение. – И снова риторический вопрос, который не требуют ответа, ибо найти его – просто невыполнимая задача. Одной физики, математики и астрономии недостаточно, чтобы разобраться в том, откуда же все-таки взялась жизнь. И сегодняшнего семинара тоже явно не хватит. Обсуждение может затянуться на недели и месяцы. И я думаю, стоит закрыть эту довольно интересную тему, – профессор улыбнулся и поблагодарил всех присутствующих за внимание.

Однако публика осталась недовольна тем, что он оборвал на самом интересном моменте обсуждение проблемы, которой сегодня и вовсе никто не должен был касаться. Выходя из аудитории, профессор подхватил за руку любознательно-го студента:

– А вас, юноша, я попросил бы задержаться после семинара.

Через пару коротких выступлений конференц-зал опустел. Профессор Блек, воспользовавшись этим, принялся перебирать сборники лекций, а юношу попросил присесть.

– Вижу, вас интересуют темы, которыми обычно молодые люди вашего возраста не увлекаются, – он улыбнулся и окинул добрым взглядом двадцатилетнего парня, – и, видимо, увлекаетесь настолько, что наизусть выучили пару фраз из моей книги. Я весьма польщен, не всякий рискнет цитировать эти теории...

– Я знаю далеко не пару цитат и прочитал не одну вашу книгу, – уверил профессора юноша. – Интересует меня на самом деле гораздо больше, чем было охвачено сегодня.

– Могу я узнать ваше имя, молодой человек, – наконец спросил профессор.

– Меня зовут Лео. Я студент второго курса кафедры философии и культурологии.

– Любопытно...

– Я думаю, ваши теории поинтересней будут.

– Это уже далеко не теории, Лео...

– То есть? – юноша не совсем понял его слова.

– То есть придет время, и ты найдешь ответы на вопросы.

– На какие именно?

В зал вошла женщина средних лет с благородными чертами лица. Она прервала разговор со словами, что у нее для

профессора срочное сообщение.

– Лео, я думаю, мы с тобой еще встретимся и многое обсудим, а сейчас я вынужден закончить наш разговор, – он мгновенно переключился на беседу с коллегой.

– Вам несказанно повезло, сегодня из Франции пришло приглашение на конференцию, которая состоится в Лионе 23 сентября. На ней будут присутствовать самые просвещенные умы, – женщина говорила крайне красноречиво. Она словно пыталась убедить профессора, хотя тот еще даже не дал ответа. – Будет около пятидесяти приглашенных ученых, которых посчитали опережающими свое время. И в их числе оказались вы.

– Заманчиво, но меня давно не интересуют сборища мыслящей интеллигенции. Это скучно. Обычно там никто никого не слушает. И на это конференции каждый будет увлечен своей теорией. А я уже давно не стремлюсь ничего никому доказывать.

– Вы не понимаете: вы получили право на слово!

– Я давно сам дал себе это право! – профессор слегка повысил голос.

– С вами на конференцию отправится один одаренный студент, которого вы сами выберете. И если откажетесь от участия, то лишите кого-то возможности увидеть Францию, попробовать на вкус науку.

– Наталия, послушайте меня. Одаренных студентов здесь нет, – профессор замолчал. В его голове запустилась мель-

ница каких-то мыслей. Прошли считанные секунды, и он выдал:

– Я подумаю, – пообещал он коллеге.

Профессор сверил время со своим расписанием и, осознав, что уже опоздал на лекцию, поспешил к выходу.

* * *

Питер и Уолт опустошили пару бокалов в баре и отправились в супермаркет за пивом, чипсами и прочей ерундой, кишущей консервантами. Вернувшись домой, они оживленно обсуждали, сидевшую на кассе брюнетку с такими же большими глазами, как и ее декольте. Но тема быстро сама себя исчерпала. Осознав, что бильярдные шары намного интереснее шаров пятого размера, друзья направились в комнату отдыха, где располагался бильярдный стол. Прежде чем разыграть первую партию, Питер решил поведать о своих трудностях:

– Понимаешь, Уолт, у меня очень серьезная проблема. И мне нужен совет, причем не кого-то, а самого близкого друга.

– Если ты решил сделать что-то противозаконное, я тебе в этом не помощник и не советчик! – пошутил Уолт.

– На самом деле, я не знаю, как сделать выбор, от которого будет зависеть вся моя жизнь, ну или ночь. Понимаешь?

– Пока не очень, – Уолту показалось, что Питера и правду что-то беспокоит, поэтому приготовился слушать.

– Значит так. Есть Джоан: у нее большая грудь, но кривые ноги. Есть Саманта: у нее шикарные ноги, но нет груди. Есть Хилари: у нее огромная грудь, длинные ноги, но кривое лицо. И есть Оливия: кроме зоны экватора, больше никаких достоинств, – Питер увидел, что приятель купился на его обманку, и принялся смеяться.

– И как я умудряюсь еще дружить с таким придурком! – Уолт глотнул пива. – Я ведь и вправду подумал, у тебя какие-то проблемы.

– Послушай, я всего лишь хочу, чтобы ты наконец расслабился.

– Если хочешь, чтоб я расслабился, давай поиграем в бильярд.

Друзья вооружились кием. И Уолт завел разговор, за которым они оба забыли о своем намерении поиграть.

– Питер, тебе не кажется, что ты растрачиваешь себя?

– Что ты имеешь в виду?

– Ты ничего не ценишь. Даже свою жизнь. Ничего не боишься. Даже смерти.

– Я тебя поправлю, смерти в первую очередь.

– Я продолжу! – Уолт осуждающе взглянул на друга. – Никого не ценишь. Никого не любишь. И тебя никто не любит. Тебе никто не нужен. И ты никому не нужен.

– Знаешь, дружище, я по этому поводу не переживаю, – с некоторой ухмылкой выдал Питер.

– Ты прожигаешь жизнь! – вскрикнул Уолт.

– Зато как красиво я это делаю! – Питер повысил голос в ответ.

– Ты все время шутишь! Я не хочу сказать, что это плохо. Просто есть вещи, к которым нужно относиться серьезней.

– Не в моем случае. Для меня жизнь – шутка сама по себе.

– Эти твои постоянные устремления доказать что-то людям. Вспомни, сколько раз ты ломал ноги. Семь, Питер! Семь раз, и это за три года.

– Это всего лишь экстремальный спорт, – возразил Питер.

– То, что ты называешь экстримом, толкает тебя к самому краю.

– Не говори ерунды. Я же не против того, что ты запираешься в своей комнате в попытках что-то написать. Вспомни, когда ты последний раз по-настоящему оттягивался. И вообще, ты хоть раз развлекался так, чтобы срывало крышу? Вокруг тебя кипит жизнь, а ты лишь за этим наблюдаешь и пишешь свои книжки, выдумывая всяких героев, вместо того, чтобы быть героем в приключенческом романе под названием «реальность». Ты лишаешь себя жизни только для того, чтобы дать ее тем, кого не существует. Я говорю о твоих героях. Но запомни, они – всего лишь вымысел, а ты вполне реален.

– Я занимаюсь тем, что мне нравится!

– Так и я! Ты прав. Я ни о ком не думаю. Потому что незачем, – на лице Питера наметились морщинки от возмущения. – Я сам по себе, хоть и вращаюсь постоянно среди лю-

дей – среди очень даже милых девушек, которым, определенно, нравлюсь. А ты добровольно себя изолируешь, скрываешься от мира. Словом, прячешься. И, судя по всему, тебе тоже никто не нужен, кроме этих твоих книжек... Ты закончил хотя бы одну из них?

– Об этом я и хотел поговорить до того, как сбился с мысли.

– Тогда с этого и стоило начинать, а не читать мне нотации про мою распущенную жизнь, – Питер расслабился и сбавил тон. – Что там с твоим остросюжетным романом?

– Помнишь, год назад я начал писать книгу о людях, которых загадочным образом сводит судьба? – спросил Уолт.

– Да, что-то припоминаю, – на самом Питер ничего не помнил.

– Не знаю почему, но книгу закончить я так и не смог.

– Может, ты просто выбрал неподходящий сюжет?

– Тогда я тоже так думал. Решил, что кончилось вдохновение, что нужно подождать, сделать перерыв, и после мысли появятся сами по себе. Но ничего не вышло. Прошла неделя, другая, месяц, а идей никаких.

– И? – Питер не мог понять, что до него хочет донести Уолт.

– И я решил бросить эту идею, хотя сам замысел книги мне очень нравился. Начал другую. Это роман о девушке, у которой вся жизнь складывается не так, как она хочет. И вот сейчас она стоит на крыше и думает о том, чтобы спрыгнуть.

– А дальше?

– А что дальше я сам не знаю.

– Так придумай что-нибудь!

– Вся сложность в том, что я не знаю, прыгнет она или нет. Ты видишь, я снова не могу закончить книгу, как и ту, за которую взялся в первый раз.

– А я-то чем могу помочь? Ты мне предлагаешь дописать за тебя книгу?

– Да нет же! Просто иногда мне кажется, что сюжеты рождаются не изнутри, не из воображения, по крайней мере, не из моего, это точно. Словно я выхватываю какие-то идеи из воздуха. Как будто не я пишу книгу, а книга пишет себя, а я лишь нажимаю на кнопки клавиатуры.

– Дружище, может быть, у тебя... Как там у писателей это называется, творческий кризис?

– Если бы...

– Слушай, а ты не думал о том, чтобы сменить занятие. Может, это не твое?

– Я должен закончить эту книгу. И я это сделаю, – с уверенностью сказал Уолт и добавил. – Но как я пока сам не знаю.

– Может, скинуть ее с крыши как-нибудь красиво в твоей книге? И будет яркий запоминающийся конец, – Питер не смог удержаться от шуток, за что был одарен презрительным взглядом.

– Спасибо, но я думаю, она сама решит, прыгать ей или

нет, – Уолт ответил другу шуткой в его же духе.

Так они закончили разговор и вспомнили, что хотели сыграть пару раз в бильярд, но Питер передумал. Он предложил пить пиво и щелкать каналы спутниковой антенны: ночной образ жизни не давал ему приблизиться к телевизору ближе, чем на два шага. И это был его шанс. Уолт не стал возражать, и они вернулись в гостиную.

В комнате был беспорядок, собственно такой, какой и должен быть в квартире двоих холостяков. Вещей, принадлежавших Питеру, было немного – так редко он бывал дома, а когда появлялся, то скорее напоминал гостя, нежели хозяина. Зато кругом были разбросаны вещи, говорившие о том, что здесь живет кто-то, кто очень любит книги. В домашней библиотеке Уолта их было столько, что впору было открыть книжную лавку. Но что касается молодого писателя, то сам он чужие творения читать не любил: немного находилось романов, которые действительно могли его впечатлить.

Книги были повсюду: на стеллажах, в шкафах в гостиной, в кабинете, на чердаке. Ими был завален и журнальный столик. Ничто, по мнению Уолта, не могло придать уюту дому так, как они. Годами на полках скапливалась пыль, страницы бумажных романов желтели, но с каждым разом книг становилось все больше. Среди всего множества произведений можно было найти сочинения и классиков, и современников. Одни и те же издания порой встречались несколько раз, но в разном переплете. А авторов многих книг Уолт даже и

не знал. Иногда он сам удивлялся, что в его огромной коллекции находились произведения неизвестных ему писателей. Во всем остальном их квартира напоминала сотни других ничем не приметных квартир: те же стены, та же мебель, семейные фото на тех полках, которых не касались книги...

Друзья не могли поделить пульт управления, и потому переключали канал за каналом в поисках чего-то, что понравилось бы обоим. Но слишком уж разными были их интересы... Потягивая пиво, Питер остановился на рекламе, в которой силиконовые красотки расхваливали на непонятном ему языке гель для увеличения груди. Уолт смотрел на друга и пытался угадать, что у него стекает по подбородку: пена от пива или слюна от вида той искусственной блондинки, которая вот уже пятнадцать минут убеждает зрителей, что ее прелести натуральны. Отняв у друга пульт, Уолт случайно нажал на кнопку, попав на специальный выпуск новостей. Взволнованный диктор говорил что-то по-французски, а на экране мелькали странные картинки.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросил друга Питер.

– Я не силен во французском. Давай дальше, – посоветовал Уолт.

Питер нажимал на кнопки в поисках подходящего канала, но вместо изображения то и дело появлялся серый экран и шипели динамики, будто что-то случилось с антенной. Щелкнув по кнопке еще пару раз, он снова попал на франкоговорящего диктора, а затем нашел еще пару рабо-

тающих каналов.

– Странно, – Уолт нарушил молчание. – Везде одно и то же показывают.

– Чертова антенна! – выругался Питер. – Каждый месяц платим деньги за то, чтобы из сотни каналов смотреть от силы пять и то на китайском и французском языке.

Наконец они наткнулись на местные новости. Из того, что друзья услышали в выпуске, они поняли мало, но даже это небольшое действительно их напугало.

* * *

Дождь становился все сильнее. В небе сверкали молнии. От грома гудело в ушах. Но ей не было страшно. Своей судьбы она боялась куда больше, чем стихии.

Вокруг не было ничего. Только она и дождь. Ничто не могло ей помешать сделать то, что она давно задумала. Но она продолжала сомневаться. Прыгнуть или нет?.. Она не подзревала, что шагнуть будет настолько сложно.

Где-то вдалеке небо растворялось в розовых бликах осеннего заката. Она вспоминала, как любила осень и проливные дожди. В непогоду ее жизнь переставала казаться такой унылой, какой была на самом деле. Осенью все умирало. И каждый раз угасала и она, становясь по-настоящему счастливой.

– Может, ради того чтобы еще раз увидеть закат, и стоит

жить. Если никто не забирает у меня право дышать, значит, еще не произошло что-то важное. Может, я не сделала все, что должна, – думала она. – Найти бы смысл...

* * *

Она пыталась найти смысл жизни, которую считала бессмысленной. Вспоминала, как прошли двадцать шесть лет...

– Эй, Уолт! – крикнул Питер.

– Ну что?

– Я уже десять минут с тобой разговариваю, а ты меня не слушаешь.

– Извини... Ушел в себя. Так о чем ты говорил?

– О новостях. Тебе не кажется это странным?

– Что именно?

– Как может быть такое, что все часы показывают разное время?

– Хм, – Уолт мыслями был где-то очень далеко. – Давай обсудим это позже. Извини, но, кажется, у меня появились кое-какие мысли. Так что я пойду.

– Ты о чем?

– О Кэтрин.

– Прости...

– Ко мне пришла муза. Проснулось вдохновение. Называй как хочешь. Я пошел к себе.

– Ты оставляешь меня одного?

– Нет. Как я могу так с тобой поступить? – Уолт переключил канал, где Бетани, так звали ведущую магазина на диване, уже перешла к рекламе гелей против целлюлита. – Вот она и составит тебе компанию!

– Ты смеешься? – не дожидаясь ответа, Питер вздохнул и добавил. – Не хотел, но, видимо, так придется тащиться в клуб и очаровывать там кого-нибудь.

– Я уверен, что это вынужденная необходимость...

Друзья пожали друг другу руки и попрощались. Уолт направился в кабинет, а Питер – напрямик к ночным приключениям.

Когда они увидятся снова – было не известно. Перед последней их встречей Питер отсутствовал дома почти четыре недели. Но Уолт никогда не спрашивал друга, почему тот не появлялся так долго, где он жил и чем занимался все это время. Ему было мало известно о приключениях друга, и он никогда о них не спрашивал, но с удовольствием слушал, если тот сам рассказывал сумасшедшие истории своей жизни.

Уолт был рад тому, что теперь тишины, которая ему была так необходима, будет достаточно. Впервые за последнее время в его голове закрутилось столько мыслей, что понадобилось бы немало времени и усилий, чтобы собрать их воедино.

Когда он зашел в кабинет, было около пяти часов ночи. Самое время для творческих свершений. Кабинет был

небольшой, но уютный. Мебель из красного дерева, запах старых книг – все это способствовало рабочему настрою Уолта. Он сел за стол, устроился поудобнее, зажег настольную лампу и приступил к работе. Клавиатура защелкала с такой скоростью, что в тексте то и дело мелькали опечатки. Но Уолт исправлял ошибки так же быстро, как и допускал их.

Кэтрин пыталась найти смысл жизни, которую считала бессмысленной. Она вспоминала, как каждый вечер возвращалась домой после работы, которую ненавидела ничуть не меньше, чем саму себя. Она никогда не торопилась. Дома ее никто не ждал. Лишь серые стены, в которых она жила уже девять лет. Она вспоминала, как шла по безлюдным улицам. Как заглядывала в окна и подсматривала за незнакомыми людьми. Ежедневно она осознавала, что мир меняется, а вместе с ним меняются и люди. Не менялась лишь она, неизменной оставалась и ее жизнь. Так каждый вечер она открывала дверь своей небольшой квартирке. Проходила в гостиную. Садилась в кресло. Закрывала глаза. И слушала тишину. У нее всегда было тихо. Настолько, что иногда становилось страшно. И тишину эту нарушало лишь тиканье часов – единственное напоминание о том, что у дома есть хозяйка.

Кэтрин вспоминала, как наступало утро, и она снова, не спеша, шла на работу. Как наблюдала за прохожими и фантазировала... О том, что в этой толпе мимо нее, уже сотни раз проходит незнакомец, совершенно чуждой человек,

который может стать для нее самым близким. Она представляла, как он то и дело идет ей навстречу, но почему-то каждый раз они проходят мимо друг друга. Словно сама судьба отказывается их сводить. Кэтрин мечтала о том, что этот незнакомец ищет ее и не может найти. И каждый раз, когда они сталкиваются с ним, он думает о том же, что и она. А потом она с ужасом осознавала, что они никогда так и не узнают друг друга.

Вечером она возвращалась домой и вспоминала, как всего полчаса назад видела десятки людей в метро, совершенно непохожих друг на друга. Она смотрела на них и понимала, что у каждого своя судьба. Кто-то через несколько лет подарит жизнь гению. Кто-то эту жизнь отнимет. Кто-то выиграет. А кто-то проиграет победителю. Она понимала, что все эти люди незнакомы друг с другом, но жизни их взаимозависимы. И, возможно, незнакомцы, стоящие рядом друг с другом, совсем не подозревают о том, что судьбы их еще не раз пересекутся.

И она сравнивала. Сравнивала себя с другими. Вот кто-то спешит домой к любимой семье, а кто-то, как и она сама, возвращается туда, где никто его не ждет...

* * *

Всему приходит конец. Ничто не может быть вечным: не вечен человек, не вечен и мир, в котором он живет. Мироздание подобно консервной банке или термической упаковке имеет свой срок годности, но какой – не знает ни-

кто так же, как никто не знает «дату изготовления» нашего мира. Прогнозы пытается сделать всякий, кого забавляет эта тема. Гипотез о гибели человечества, пожалуй, столько же, сколько и мнений по поводу возникновения жизни на Земле. Главный вопрос, которым стоит задаться. «Уничтожит человек себя сам или просто обратит против себя высшие, более мощные силы?»

Сколько нам ещё осталось? Наши амбиции не позволяют нам представить, что завтра нас не будет, что уже и само завтра может не наступить. В поисках источника вечной молодости мы не задумываемся о том, что вечная жизнь и бессмертие могут нам никогда не пригодиться.

Мы настолько заняты своими повседневными заботами, насущными проблемами, что нам в голову не закрадывается мысль о том, что рано или поздно придет время отвечать за все. Наступит день, когда все, чего достигло человечество, исчезнет в одночасье. Тупик, из которого не будет выхода, – вот что ожидает нас, если мы будем жить, как жили раньше, не задумываясь о будущем, о грядущих переменах и последствиях, которые окажутся платой за все промахи и грехи человечества. Нам не удастся миновать кризиса, но если каждый задумается и сделает свой вклад, то мы сумеем отодвинуть сроки конца света на пару тысячелетий. Если же нет, то мы умрем, а вернее сказать, уничтожим сами себя или, по крайней мере, поспособствуем этому. И что же тогда от нас останется? Пыль, газ, пустота? Ис-

тория, которую мы творили своими руками и передавали из поколения в поколение, будет погребена вместе с нами. Полное забвение – вот что ожидает каждого человека и всю человеческую цивилизацию в целом. Нашу историю придадут вечности.

И, возможно, все начнется заново. Появится новое Солнце, новая Земля. Первые бактерии, простейшие, человекообразные обезьяны, неандерталец, гомо сапиенс. Снова эпоха динозавров, ледниковый период, первобытное общество, общинный строй. Древняя Греция и Египет, эпоха фараонов, античный мир, Ренессанс и Просвещение, время технологического подъема. Первая и Вторая мировая война, революция, промышленный переворот, новые Хиросима и Нагасаки, Чернобыль. Новый Колумб, Эйнштейн и Гагарин. Новый да Винчи, Моцарт и Бетховен. Новый Наполеон, Сталин и Гитлер.

Снова долгий и мучительный ход эволюции – подъем, расцвет, кризис и гибель человеческой цивилизации. Может быть, человечество проходит одни и те же фазы цикла и подобно тому, как исчезали Атлантида и Майя, один раз в несколько миллионов лет исчезает и все человечество. Может быть, мы даже не подозреваем, что оно из раза в раз проходит один и тот же путь и, совершая снова и снова одни и те же ошибки, приходит к концу света. Конечно, трудно представить себе, что до нас так же, как и мы, жили

люди. Они так же развивались и совершенствовались, у них была своя история и гении. Они так же, как и мы, прожили две тысячи лет и застали технологическую эру, а затем прекратили свое существование, не оставив после себя ничего, никаких следов и подсказок. Звучит это почти фантастически, но, как и любая гипотеза, эта мысль имеет право на жизнь.

– Привет! – послышался знакомый голос.

Лео отложил книгу и повернулся в сторону гостя.

– Привет, Марта. Не заметил, как ты вошла.

– Я тебя не отвлекаю? Ты, кажется, с кем-то разговаривал.

– Я читал.

– Я проходила мимо и решила заглянуть. Может, сходим куда-нибудь? В кино, например. Как ты на это смотришь?

– Нет, – Лео отказался, но, осознав, что был слишком резок, добавил. – Сегодня никуда не хочется. Много дел.

– Тогда, может, просто прогуляемся, поболтаем, – предложила девушка, уже не рассчитывая на положительный ответ.

Лео увидел ее растерянный взгляд и подумал, что отказывать будет некрасиво.

– Только если ненадолго. Мне сегодня нужно кое-что сделать, – сухо вымолвил он.

На лице девушки заискрилась неподдельная радость, какая бывает у ребенка, выпросившего новую игрушку. Лео очень редко удавалось вытащить из дома. Он не был домо-

седом, но его слишком увлекала философия и психология, и потому он предпочитал оставаться наедине с книгами, нежели с людьми. Находилось не так много друзей, которые разделяли его интересы. Марта как раз и была тем самым человеком, которому можно было доверить свои мысли. Однако она была скорее хорошим слушателем, нежели хорошим собеседником. Лео же иногда хотелось побывать в иной роли, но едва ли сокурсница могла его удивить своими знаниями. И сама понимая это, она предпочитала молчать.

Лео предупредил родителей, что не задержится, и направился к выходу вместе с Мартой. Было уже поздно. Улицы опустели. Звезды усыпали темное небо. Судя по их количеству, на нем не было ни облачка. Вечерняя прохлада напоминала о том, что уже наступила осень.

Они шли по аллее, вдыхая свежесть сентябрьского месяца, и молчали, пока не оказались в небольшом сквере. Усевшись на лавочки, они стали любоваться небом, которое тут казалось еще более красивым, чем где-либо еще.

* * *

Роза и Света уже третий час обсуждали предстоящую выставку. Они не могли определить, какие стены будут лучше сочетаться с картинами, над которыми Роза работала с момента окончания художественной школы. С подругой они тщательно выбирали место, где впервые будут выставлены

двадцать лучших работ художницы. Она первые собиралась показать себя и свои произведения миру, и потому хотела, чтобы все прошло идеально.

Роза последовала совету своего преподавателя и решила проводить выставку в Санкт-Петербурге. Было очевидно, что Москва не так дружелюбна, как Северная Пальмира, и среди сотни молодых таких же талантливых, как и она сама, художников крайне высок риск затеряться. Роза давно мечтала заявить о себе, но сделать это во всеуслышание не давала нехватка денег. Лишь когда на помощь пришла Света, ее лучшая подруга, которая и нашла спонсора среди своих богатых поклонников, мечта стала осуществима.

Выставочный зал, на котором они остановили свой выбор, был скромный. Поэтому Розе пришлось отобрать среди шестидесяти своих работ только два десятка. Но это ее несколько не огорчило: она с энтузиазмом взялась за оформление зала, чем заразила подругу, с которой они теперь вместе ломали голову. Света хоть и не очень смыслила в искусстве, но кое-что она все-таки понимала, например, как важно создать атмосферу, которая наилучшим образом сможет отразить содержание картин и настроение художника.

– Может, сделать стены пурпурными, – предложила она.

– Ты серьезно?

– Пурпурные стены создадут атмосферу, – Света не успела договорить.

– Публичного дома, – перебила подругу Роза и добавила. –

Еще скажи, что они наилучшим образом отразят творческое «Я» художника.

– Ну почему сразу публичного дома? Я бы сказала атмосферу... атмосферу, – она пыталась подобрать нужные ей слова, – интимности, что ли.

– Конечно, давай превратим выставочный зал в русский Амстердам, – Роза улыбнулась и добавила. – Я думаю, приглашенные гости не оценят.

– Ты же художник. Откуда в тебе столько пошлости?

– Это мой единственный шанс. Меня ждет или признание, или провал. Если сейчас ничего не получится, то, скорее всего, не получится никогда. А признания мне не добиться, если мы оформим зал в стиле улицы красных фонарей.

Подруги задумались. Света, достав из сумочки пачку сигарет, предложила:

– Может, немного отдохнем? На усталую голову лезут бредовые мысли, которые кажутся креативными.

– Не знаю. Выставка уже скоро, а у нас пока ничего не готово. Столько всего еще нужно сделать. И времени не хватает.

– Это точно, – согласилась Света. – Если хочешь, давай продолжим, только на воздухе. Надоело в четырех стенах сидеть. Голова болит.

– Хорошо.

Подруги вышли из небольшого домика, который принадлежал одному из любовников тридцатилетней красотки, и

расположились на летней веранде. Света медленно сделала пару затяжек, а Роза принялась рассматривать усыпанное звездами небо.

* * *

Первым нарушил молчание Лео?

– Знаешь, что меня всегда поражало?

– Что? – Марта знала, что сейчас Лео скажет что-то, что ей, как всегда, понравится.

– Небо... Что такое небо? – он задал вопрос, на который сам же и ответил. – Небо – это вечность. Оно будет всегда, даже когда нас не станет, не станет наших детей.

– Всегда, – добавила Марта.

Они оба замолчали.

– А звезды... Они смотрят на нас. Как и мы на них. Но видят гораздо больше. Они наблюдают за нами уже тысячи лет. Они многое видели и еще многое увидят, – Лео задумался. – И этим взглядам, нашим и звезд, никогда не суждено встретиться.

– Забавно, – Марта воспользовалась моментом. – Ты говоришь о них, как о людях.

– Да. Мы очень похожи, – хотя Лео отвечал, мыслями он был где-то очень далеко.

– Смотри! Звезда падает! Скорее загадывай желание! – вскрикнула Марта. Она увидела, как точка на небе превра-

тилась в светящийся хвост и затем погасла.

Она восторженным взглядом проводила мелькнувшее на мгновение светило и закрыла глаза. Лео впервые посмотрел на подругу. Та загадывала желание. Он улыбнулся и снова устремил взгляд наверх.

* * *

– Ну что? Успела загадать желание? – спросила Роза.

– Я тебя умоляю. Ты веришь в эту ерунду? – Света усмехнулась.

– Конечно. А вдруг сбудется...

– У меня никогда не сбывается.

– А ты загадывала? – поинтересовалась Роза.

– Да.

– И? Что за желание?

– Неважно.

– Не люблю, когда ты оставляешь вопросы без ответа.

– Знаешь, о чем я подумала. Иногда нам доводится видеть как, падая, гаснет звезда, прямо как сейчас, – Света стряхнула пепел. – Она находится от нас на расстоянии миллионов километров и кажется крошечной в сравнении с Солнцем. Для нас это всего лишь зрелище, редкое, но красивое, и мы спешим загадывать желание. Но не думаю, что если бы то же самое произошло с нашим Солнцем, мы также восторженно смотрели на происходящее.

– Пожалуй, – согласилась Роза.

– Его угасание стало бы нашей гибелью. И, возможно, также падение неизвестных для нас звезд становится гибелью для таких же неизвестных, как и сами эти звезды, планет и цивилизаций, – Света произнесла это так цинично и равнодушно, словно рассказала анекдот.

– Не думала, что, – Роза посмотрела на подругу.

– Что я могу думать о чем-то, кроме денег и бриллиантов? – Света затушила сигарету и продолжила. – Может быть, существует множество звездных систем, подобных нашей солнечной. И разные планеты, бесконечно удаленные друг от друга, имеют схожую с нашей Землей структуру: атмосферу, флору и фауну. Наверняка полноправные обитатели этих планет считают себя единственными во Вселенной, как и мы. И наше родное Солнце кажется им таким же крошечным, как и нам все остальные звезды. Миллионы уникальных миров, о которых мы ничего не знаем...

Роза нравился монолог Светы, поэтому она не перебивала.

– То есть не исключено, что одновременно, параллельно существуют сотни внеземных цивилизаций, которые развиваются аналогично человеческой. Каждый раз, когда гаснет какая-то звезда, приходит и закат неизвестной цивилизации. И когда погаснет наше Солнце, для нас наступит конец света, а где-то очень-очень далеко другие в этот момент загадают желание, – Света ухмыльнулась. – Наверное, так про-

исходит каждый раз, когда зажигается новая звезда, зарождается новая жизнь. И сейчас население какой-нибудь планеты в одной из двухсот миллиардов галактик находится на стадии первобытного общества. Сотни планет... Миллионы цивилизаций... Среди которых, возможно, мы долгожители. Просто наше время пока не пришло: Солнцу рано гаснуть....

- Не знаю даже, что сказать! – Розу переполняли эмоции.
- Ничего и не надо говорить, – подруга укуталась пледом.
- Все это как-то не очень похоже на тебя...
- Это все свежий воздух, – Света взглянула на юную подругу, снова достала из сумки пачку и нервно выкурила последнюю из оставшихся сигарет.

* * *

Лео и Марта продолжали глазами изучать точки на небе.

- А чем мы похожи? – она не выдержала и спросила.
- Кто?
- Люди и звезды.
- Сложно объяснить.
- А ты попробуй, – она настаивала.
- Представь, что погаснет звезда. На небе на одну точку станет меньше, но ты этого не заметишь. Небо не поменяется. Не поменяется и Вселенная. Так?
- Так.
- Так и тут на Земле. Если ты умрешь, мало кто заметит

это. Мир почти не изменится... И Вселенная тоже. Люди будут жить как жили. И даже те, кто когда-то тебя любил, со временем забудет.

Все, о чем Лео говорил, всегда было очень сложным. Иногда его было невозможно понять. Но сегодня его слова были понятны Марте как никогда.

* * *

– Зря ты не загадала желание, – сказала Роза.

– Точно! Почему мне это раньше не пришло в голову? Именно так мы и сделаем! – Свету будто осенило.

– Что ты опять придумала?

– Млечный путь. Мы создадим в зале площадью сто квадратных метров иллюзию открытого космоса. Только представь, какая будет красота!

Роза уже и забыла, что десять минут назад больше всего ее волновала выставка. А Свету настолько увлекла новая мысль, что она мгновенно переключилась с внеземных цивилизаций на вполне земные вопросы.

– Вот увидишь, это будет просто нечто! Ночное небо, звезды, – не переставая, твердила она.

– Ты предлагаешь...

– Да, именно это, – Света даже недослушала. – Я все возьму на себя. Соглашайся!

Она отчаянно пыталась убедить подругу-художницу. Но

Роза не могла сразу дать согласие. Она привыкла все тщательно взвешивать, прежде чем принимать окончательное решение, и иногда думала так много, что в итоге ничего не успевала делать. Роза представила, как в иссиня-черных красках зажигаются созвездия Ориона, брезжит бликами звездная пыль, комета прошивает иллюзорное небо – и так в выставочном зале все обретает невесомость. Предположив, какой будет реакция посетителей выставки, когда границы замкнутого пространства сотрет иллюзия открытого космоса, она наконец решила дать добро.

– Я согласна.

– Отлично, значит, завтра же, когда прилетим в Петербург, я вызову дизайнеров. И можно будет приступить к списку гостей и подготовке приглашений, – с абсолютным удовлетворением заявила подруга.

– Как тебе пришло такое в голову?

– Звезды подсказали, – Света улыбнулась.

Они обе снова вонзили взгляд в ночную бездну, но каждая задумалась о своем. Свету унесли творческие мысли. А о чем думала Роза, стало ясно лишь позже, когда она начала бормотать:

– Смешно...

– О чем это ты?

– Я подумала... Вот мы сейчас сидим и смотрим на звезды. И наверняка кто-то за сотни километров отсюда тоже разглядывает небо и думает о том же самом, что и мы, – ска-

зала Роза почти шепотом.

* * *

– Может, на эти же точки смотрит кто-то с другой планеты и думает о том же, что и мы. Мы не видим друг друга, но есть нечто, что всех нас объединяет: наши взгляды устремлены к одним и тем же звездам, – пока Лео рассуждал, он ни разу не взглянул на Марту, но ощущал, что эти слова западают глубоко в ее душу. – Наверное, мы смотрим на те звезды, которые разглядывали сотни лет назад еще в прошлой своей жизни. Их наверняка рассматривали наши родители. Ими будут любоваться и наши дети. Звезды видят разные поколения людей, а люди видят одни и те же звезды. Забавно. Правда?

– Забавно, но не это.

– А что же? – спросил Лео, хотя ответ на этот вопрос его ни капли не интересовал.

– Твои мысли. Вот что забавно, – Марта произнесла эти слова так тихо, что он еле их разобрал. – Ты странный...

И действительно в ее словах была некоторая правда. Станный, именно так называли Лео те, кто не мог его понять. Он был другой. И, казалось, мир его не принимал. Никто бы и не подумал, что быть как все в его возрасте на самом деле так сложно. Он стал индивидуальностью, которая была вынуждена оставаться в тени жизни, в то время как у

заурядностей эта жизнь была ключом. А он всего лишь мыслил по-другому и много раз пытался сделать себя похожим на остальных. Его желание было очень простым – ему всего лишь хотелось быть, как все, мыслить и относиться к жизни, как все. Лео мечтал жить по-другому, а для него это значило – жить как все. Но чем больше он пытался стать похожим на других, тем больше становилась пропасть, которая отделяла его от окружающих. Чем больше он старался думать, как сверстники, тем сильнее его размышления отличались от их мыслей.

– Извини, мне пора! – Лео не стал ничего отвечать, а решил лишь попрощаться.

– А знаешь, что еще интереснее? – она бросила напоследок, – То, как ты разговариваешь.

– Что ты имеешь в виду?

– Твой разговор больше похож на монолог. Не знаю, заметил ты или нет, я не так много говорю, но даже то немногое, что я решаюсь тебе сказать, ты словно не слышишь. Задаешь вопросы и часто, не дожидаясь ответа, сам же на них отвечаешь. Ты ведешь диалог скорее с самим собой, чем с реальным человеком, – Марта сама не знала, почему решила высказать все накопившееся именно сегодня.

– Что ты хочешь от меня услышать?

– Сама не знаю.

– Тогда до завтра. Мне действительно пора домой.

Он поцеловал ее в лоб, как делал это обычно, и отправил-

ся по аллее, но уже в обратном направлении.

– Ведь дома его ждут дурацкие книжки, – подумала Марта, посмотрев ему вслед. На глазах у нее налились слезы то ли оттого, что ее променяли на учебники, то ли оттого, что снова не сбылось желание, которое она загадала уже в сотый раз.

* * *

Комната Джуны была темной даже в светлое время суток. Находясь внутри, трудно было догадаться, что на улице солнце: свет сюда почти не проникал. В такой обстановке она быстрее сосредотачивалась. Вокруг почти не было мебели. Никакие предметы не должны были отвлекать ее от работы. А вот зеркала были везде, большие и маленькие. Казалось, что из комнаты выходят миллионы коридоров, и куда они ведут, не известно было даже самой гадалке. Стола и двух удобных кресел было достаточно, чтобы вести приемы весь день, и, потому ее маленькое ремесло приносило ей неплохие деньги.

Она всегда сама решала, в какие дни работает, в какие – нет. Ей не нужно было просить отгулы и придумывать оправдания, – в этом и было преимущество ее работы. Сегодня как раз и был тот день, когда Джуна отменила все приемы. К ней наведальась университетская подруга, приехавшая из Тулона в Лион на пару недель по каким-то важным де-

лам. За обедом они обсудили то, как сложилась их жизнь после окончания университета. Однокурсница по имени Софи, рассказала о своем первом не совсем удачном замужестве, о втором совсем неудачном замужестве и о нынешнем браке, который оказался благополучней двух предыдущих. Жизнь самой же Джуны была ровной и спокойной все это время, поэтому, когда пришла ее очередь делиться новостями, весь рассказ занял не больше двух минут.

Она, по происхождению арабка, приехала во Францию из Марокко. Состоятельные родители положительно отнеслись к ее намерению получить образование в Европе и полностью его оплатили. Так она, используя свои способности к иностранным языкам, получила диплом переводчика и после семи лет вольной жизни возвращаться в Марокко отказалась. Единственная перспектива, которая ее там ожидала – это выбранный родителями муж, куча различных обязанностей и полное отсутствие всяких прав. Это решение ее мать и отец не одобрили, но приняли, ведь у них было еще три дочери, которых нужно было как-то устроить в жизни, а для своей первой они уже и без того сделали все, что смогли. Оставшись во Франции, Джуна перебралась в городок поменьше. Работу по духу найти она тут не смогла, во многом помешало ее происхождение. Найти спутника жизни за пятнадцать лет ей также не удалось. Однако огорчало ее скорее не отсутствие мужа, а отсутствие детей. Она любила их больше всего на свете. Первое время даже преподавала иностран-

ные языки во французской школе. Ее забавляла ребячтя, но со временем работа наскучила. Жизни со своим первым да и, впрочем, единственным мужем не вышло, родить от него детей она тоже не сумела, что и послужило причиной разрыва.

Так она осталась одна, и одиночество это нарушали лишь клиенты, которых за день бывало порядка девяти. Сеанс она проводила около часа. Джуна никогда ничего у них не спрашивала, а лишь сама рассказывала то, что видела. Гадала она на всем – на игральных картах, рунах, таро, на кофейной и чайной гуще, даже бобах. Она знала множество способов узнать о человеке все с помощью гадания и порой ей открывалось больше, чем ожидали сами клиенты, многие из которых становились постоянными. Однако любила она тех, кто гаданиями не злоупотребляет.

– Уж не думала я, что лучшая студентка в группе будет зарабатывать себе на жизнь, гадая на таро и кофейной гуще, – с удивлением сказала Софи.

– Могу и для тебя пару раз раскинуть карты, – предложила Джуна.

– О нет! Ничего не хочу знать о своем будущем, – категорически отказалась гостья.

– Почему же?

– Буду знать, буду ждать. Пусть лучше все, что должно случиться, произойдет неожиданно. Не хочу отсчитывать дни до каких-то событий. Тем более, моя жизнь и без того

хороша. Гадают те, кто надеется, что в будущем все будет лучше, чем в настоящем. Это унылое занятие для унылых людей. Люди приходят к тебе не за гаданием, Джуна. Люди приходят к тебе за надеждой.

– И то верно.

– Что насчет тебя? Ты раскидывала карты на себя?

– Да, было пару раз.

– И что?

– Ничего вразумительного.

– Как это?

– На картах выходит: новое лицо решит вашу судьбу.

– Что же это? Роковое знакомство со знойным французом? Интересно...

– Может быть, но пока ничего не происходит. Никаких новых знакомств. – Джуна взорвалась смехом.

– И это все?

– Почему же. Карты ложатся так, что постоянно выпадает шестерка треф.

– И что это значит? Я не понимаю вашу профессиональную терминологию.

– А это значит, что случится то, чего я не ожидаю.

– Ты права, ничего вразумительного.

– На рунических картах еще хуже. Выпадает колесо, буря, мудрость и судьба. Мудрость означает познание.

– Может быть, это как-то связано с твоей работой. Ты гадаешь, то есть что-то познаешь.

– Не похоже. Мудрость в будущем. А гадаю я в настоящем.

– Как сложно... А что значит все остальное: колесо, судьба и... Как ты там сказала? буря?

– Колесо означает перемещение.

– Ты домой в Марокко не собираешься?

– Меня там никто не ждет.

– Я бы, конечно, предположила, что перемещение означает командировку, но у тебя наверняка их не бывает.

– Это точно. Судьба означает, что нечто должно остаться для меня тайным.

– А буря?

– А буря предвещает внезапные ошеломляющие события.

– Из всего этого я поняла, что грядут большие перемены в твоей жизни.

– Не знаю...

– Забавно. Вначале ты гадаешь, чтобы узнать, что ждет тебя в будущем, а потом гадаешь, что все это могло бы значить.

– Это точно. И так из раза в раз. Выпадают одни и те же карты.

– А давно делала расклад?

– Я не гадаю часто. Не люблю. И смысла в этом не вижу.

– Так, когда?

– Около полугода назад.

– Может, все-таки что-то поменялось за это время. Попробуй снова.

– Я сделаю это только для того, чтобы ты убедилась, – со-

гласилась Джуна.

– Отлично. Если снова выпадут те же карты, я буду должна тебе... Ну не знаю. Сама придумашь.

Джуна пригласила Софи пройти в комнату, в которой она обычно проводила сеансы. Подруга была впечатлена тем, что увидела. Зеркальные коридоры были бесконечными, а в тусклом свете зажженных свечей комната вызывала воспаление воображения.

– Жутковато у тебя тут.

– Зато помогает в работе.

– Каким образом?

– Не знаю. Просто помогает. Присаживайся!

Софи села в мягкое красное кресло и осмотрелась по сторонам.

– Не боишься увидеть что-нибудь в зеркалах?

– Что я могу там увидеть, кроме своего отражения?

– Что-нибудь, чего там быть не должно.

– Послушай, это всего лишь зеркала.

– Я бы не рискнула сидеть тут в темноте.

– А мы и не в темноте сидим.

– Ну да, если считать эти две свечки. У одной, кажется, фитилек сейчас потухнет.

– Не думала, что у тебя фобия темноты.

– А еще фобия зеркал и замкнутого пространства. А твоя комната – это просто уникальное собрание всех моих страхов.

Софи чувствовала себя некомфортно и не могла дождаться, когда подруга выложит карты. Ей уже было неважно, будут ли они такими, как говорила Джуна, или что-то поменяется. Единственным желанием подруги было скорее покинуть комнату. Она не смотрела в зеркала, потому что бесконечность, которую она там видела, вызывала у нее панический страх. Джуна же привыкла делать все, не торопясь, и не любила, когда ее подгоняют. Она несколько раз медленно перетасовала колоду и принялась выкладывать одну руническую карту за другой. Софи за всем этим пристально наблюдала, но мысли ее были не о гадании.

Наконец Джуна выложила три ряда по четыре карты. В первом ряду карты рассказывали о ее прошлом, во втором – о настоящем, в третьем – о будущем. Джуна говорила, что означает карта, и проводила параллель с событиями своей жизни. Так она растолковала и отложила в сторону все карты, пока не осталось четыре последних.

* * *

Солнце уже зашло. Дождь продолжался, но гроза закончилась. Катя встала на самый край. Она решилась. Еще один шаг. И все. Уже ничто не могло помешать ей сделать это. Она не хотела смотреть вниз, но почему-то опустила глаза. По улице шел мужчина в зеленом клетчатом пиджаке. Передвигался он медленно и смахивал на слепого. В метрах пя-

тидесяти от него терлись двое подозрительных парней. Они пересчитывали деньги и делили их между собой. Заприметив прохожего, дружки принялись перешептываться, а после ударили по рукам и отправились ему навстречу. Было видно, что каждый шаг давался слепому с огромным трудом. Бандиты схватили его и стали требовать денег. Обыскав карманы нищего и ничего там не обнаружив, они даже осмелились ударить беззащитного инвалида.

Все это происходило на глазах у Кати. Она пыталась что-то крикнуть, чтобы спугнуть грабителей, но те даже ухом не повели: высота многоэтажного дома была слишком большой, а ветер уносил ее слова в другую сторону. Бедному старику некому было помочь, на улице не было ни души, а бандиты все наносили один удар за другим. Она не могла наблюдать, как глумятся над инвалидом подонки, и, не дожидаясь, пока они окончательно покалечат его, рванула к выходу. Решив, что спуститься пешком будет быстрее, она полетела вниз по лестнице, пропуская ступеньки.

– Только бы успеть. Только бы успеть, – повторяла она.

Так Катя миновала двенадцатый этаж, десятый, третий. Выбежала во двор. Но на улице было пусто. Только темные аллеи. Тусклый свет ночных фонарей. И пустота.

– Неужели опоздала? – с ужасом подумала она.

Тишины ничто не нарушало. Катя несколько раз осмотрелась, но никого так и не увидела. Ее не покидали тревожные мысли. Она не могла понять, что произошло за те счи-

танные минуты, которые она бежала, не жалея сил. Неужели все это ей показалось...

* * *

Случайность... Случайный прохожий спас жизнь Кэтрин, с которой она собиралась попрощаться. Сегодня все решила случайность...

Часы пробили семь утра. У Уолта уже не осталось сил, глаза слипались. Но в восемь нужно было занять свое рабочее место в редакции небольшой газеты, в которой он писал всякую чушь, чтобы хоть как-то заработать себе на жизнь. Он закрыл ноутбук, погасил настольную лампу и отправился в спальню, но прежде решил заглянуть в холодильник: часы напряженной работы дали о себе знать. Ничего съедобного на кухне он не нашел, поэтому пришлось давиться бутербродом. Он встал напротив окна, чтобы приподнять жалюзи, как вдруг почувствовал удар в плечо.

– Питер?! – вскрикнул он от неожиданности и обернулся, но позади никого не оказалось. – Кто здесь?

В ответ последовало молчание.

– Питер, если это ты, то учти, я когда-нибудь убью тебя за твои дурацкие шуточки! – дрожащим голосом произнес он.

Но друга нигде не было. Уолт был не из пугливых, но все-таки схватил огнетушитель, который хранил за буфетом на случай неудачного исхода своих кулинарных подвигов. Он

аккуратно сделал пару шагов. Скрипучий паркет и темнота в пустой квартире нагнетали страх. Потому он не выпускал баллон из рук до тех пор, пока не добрался до выключателя и не зажег свет. Убедившись, что рядом никого нет, он напугался еще больше.

– Такое не могло причудиться. Не могло, – от своих же слов ему стало еще больше не по себе. Уолт был похож на ребенка, и впервые в жизни ему стало жаль, что Питера не было дома. Разыгравшаяся фантазия спугнула сон, он дополз до дивана в гостиной и включил телевизор.

– С ума сойти. Больше не буду столько писать, а то совсем потеряю ощущение реальности...

* * *

Катя еще раз оглядела пустую улицу. Вокруг по-прежнему никого не было. Ни старика. Ни бандитов. Она дрожала. Наверху она не чувствовала промозглого холода: боль заглушала все ее чувства.

И сейчас Катя оказалась тут посреди улицы такой же пустой, как и ее жизнь. Одна. И снова не знала, как ей поступить – вернуться домой или на крышу.

– Raido... Nagalaz... Ansuz... Weird, – указывая пальцем на каждую карту, Джуна произносила непонятные слова.

– Звучит, как заклинание, – усмехнулась Софи. – Это поддается переводу?

– Я уже говорила, что это значит. Колесо. Буря. Мудрость. Судьба.

– Ты меня разыгрываешь. Ты решила, что можно обмануть старую глупую подругу, которая ни черта не разбирается в твоих... как они там называются...

– Руны, – подсказала Джуна подруге. – Могу снова выложить карты, и все равно выпадут одни и те же.

– Не знаю, что сказать.

– А ничего и не надо говорить. Так, может, все-таки тебе погадаем?

– О! Нет. Спасибо.

– Как хочешь. Кстати, что ты мне проспорила? – напомнила Джуна о пари.

– Заказывай! Что хочешь?.. Все будет, как обещала.

– Оставайся у меня. А то мне совсем одиноко, – предложила гадалка.

– Я собиралась остановиться в гостинице.

– Зачем тебе лишние траты?

– Наверное, ты права. Надеюсь, эта комната не считается

гостевой?

– Нет, конечно. Она исключительно для работы. А ты можешь выбрать любую из трех спален.

– Хм. Три спальни, кабинет, огромная кухня и гостиная. Вижу, твое ремесло приносит неплохой доход. Я бы даже сказала, что это весьма прибыльный бизнес, – улыбнулась Софи.

– Да, планирую расширяться. Открою салон.

– Шутишь?

– Конечно.

– А я бы на твоём месте попробовала.

– Я иногда сама не понимаю, зачем гадаю. Зачем делаю это изо дня в день. И скажу тебе даже больше. Я считаю, что ты права.

– В чем?

– Гадания – это лишнее, – ответила Джуна и спросила Софи. – Ты веришь в судьбу?

– Не знаю, – она задумалась. – Скорее да, чем нет. А что?

– Я тоже верю. Ну а что такое судьба? Ты можешь мне сказать?

– Первое, что приходит на ум, – это рок.

– Вспомни наши студенческие годы, всех наших друзей. Что с ними стало? Что со всеми нами стало?

– На что ты намекаешь? – Софи ничего не знала о своих сокурсниках.

– Возьмем, хотя бы нас с тобой. Ты выходишь замуж уже

в третий раз, а я маюсь от одиночества.

– Да, но...

– А Эмильен... женился на русской девушке, которая оказалась во Франции из-за аварийной посадки ее рейса. Хотя какова была вероятность, что они встретятся? Жан погиб в автокатастрофе, хотя всегда отлично водил. А Рафаэль три раза выскальзывал из рук смерти.

– Рафаэль?

– Ты не слышала?

– Нет, а что с ним случилось?

– Вот именно что ничего. Смерть как будто за ним гоняется, а догнать не может. В первый раз он отказался сесть в машину с Жаном в тот вечер, когда тот разбился. Во второй раз опоздал на пассажирский автобус, который перевернулся по дороге в Париж. В итоге он пропустил какую-то очень важную встречу, и его уволили. Но много ли он потерял, по сравнению с тем, что обрел?

– А что в третий раз?

– Снова повезло. За два часа до отлета он обменял билеты на самолет, который разбился, даже толком не взлетев.

– Откуда ты обо всем этом знаешь?

– За два часа до отлета он был у меня.

– Так это ты ему посоветовала обменять билет?

– Не я, а карты.

– Выходит, ты, то есть карты, спасли ему жизнь?

– Нет. Его спасли те обстоятельства, по которым он ока-

зался у меня.

– Говоришь загадками.

– Он оказался в Лионе совершенно случайно. Его партнер по бизнесу был моим соседом уже порядка девяти лет. И вот Рафаэль приехал забрать какие-то документы и по счастливой для него случайности ошибся квартирой. Хотя сказать, что он ошибся, будет не совсем правильно. Ты только представь себе, Софи, каким было наше удивление! Спустя пятнадцать лет мы стоим друг напротив друга.

– А дальше-то что?

– А дальше завязался разговор часа на три. За чашкой кофе вспомнили студенческие годы. От него, кстати, я и узнала про Эмильена и Жана. Ну и не обошлось без моих карт, как сегодня. Трижды выпала «опасная дорога».

– И он просто поверил тебе?

– А почему нет? Уж кому как не Рафаэлю верить в судьбу и злой рок.

– От всех этих разговоров мне становится не по себе, – Софи глянула на часы. – Странно...

– Что случилось?

– Время...

– Что с ним?

– Часы идут неверно.

– Сколько они показывают?

– Девять. Ничего не понимаю. Сколько на твоих, Джуна?

– На моих всего три. Может, они просто встали? – гадалка

задумалась. – Ты наверняка устала с дороги.

Джуна отвела Софи в спальню для гостей. Комната была просторной. В нежно-кремовых красках стен вырисовывались восточные мотивы. Пожалуй, ни в какой другой комнате Софи не было бы так уютно, как здесь. Пожелав другу другу спокойной ночи, подруги разошлись каждая по своим спальням.

* * *

Катя валялась в кровати. Она изучала потолок, в котором мелькал свет от проезжавших на улице машин. Лежала. И думала.

– Не хочу, чтобы наступало утро. Пока у меня есть сегодня, у меня есть и завтра... Хочу, чтобы эта ночь длилась вечно. Не хочу засыпать... Не хочу завтра... Ведь завтра будет таким же, как сегодня. Еще один день призрачной надежды. Еще один, – хаотично мелькали мысли в ее голове.

Катя пыталась соответствовать этому миру. Она отчаянно старалась сделать все, чтобы полюбить его и чтобы он наконец полюбил ее. Но они были друг другу чужими. Изо дня в день ничего не получалось: жизнь упорно продолжала ее игнорировать. И она не могла понять, что должна сделать, чтобы жить, а не существовать.

Глава 2

* * *

В окна бил ливень. В душной аудитории кипела студенческая жизнь. На первых партах отличники решали какие-то задачи. На задних рядах секретничали две подружки. В стороне о чем-то спорили молодые люди. Лео же расположился в самом конце огромной аудитории. Он листал книгу, которую прочитал уже трижды. Это учебное пособие было лишь конспектом лекций, последним изданием трудов профессора Блека на сто страниц. В нем была собрана вся правда и неправда. Иногда казалось, что эта тонкая брошюрка вмещает и то, что есть, и то, чего нет в самых лучших энциклопедиях. Всякий раз Лео находил в книге что-то новое. Он уже выучил название всех тем наизусть, но чтобы хоть как-то скоротать время, снова просматривал знакомые тексты.

Уже полчаса за ним наблюдала Марта, пока ее подруга Джесс рассказывала о том, как познакомилась на вечеринке с красавчиком по имени Питер, у которого ко всему прочему оказалось еще и отличное чувство юмора. Она расхваливала несметные достоинства незнакомца, появившегося в баре под конец вечеринки, и была разочарована тем, что упу-

стила такого красавчика. Марта лишь поддакивала и изредка покачивала головой, делая вид, что сочувствует подруге, а сама пыталась набраться смелости, чтобы подойти к Лео и снова завести разговор, который обычно с ним не клеился. Ждать, пока он подсядет к ней, было бессмысленно: его полностью устраивала компания, которую ему составляли многочисленные книжки и энциклопедии.

– Почему он все время один? Неужели ему не скучно? Не одиноко? Чем он все время занимается?.. Никуда не ходит. Целыми днями сидит в своей каморке и читает эти книжки. Как будто в мире нет ничего интереснее энциклопедий, – посыпались один за другим вопросы Марты, которая перебила подругу своим монологом.

– Ты меня не слушаешь. Так я и знала, – возмутилась Джесс.

– Извини, задумалась о своем.

– О да... Снова думаешь о своем Лео.

– Он не мой! – возразила Марта.

– Но ты ведь его имела в виду. Я права?

– Прекрати!

– А знаешь, вы с ним похожи!

– О чем ты?

– Оба не от мира сего. Постоянно думаете о всякой ерунде... Говорите о всякой ерунде вместо того, чтобы по-настоящему наслаждаться этой жизнью. Оглянись, Марта! Неужели ты не видишь, сколько всего интересного тебя окружает.

Не понимаю, что тебе мешает веселиться, гулять, ходить в клубы, знакомится с парнями. Ты всему этому предпочитаешь какого-то зануду, который даже не замечает...

– Все замолчи!

– Тебе не нравится, что я говорю? Ты просто понимаешь, что я права, и все мои слова – это сущая правда, – продолжала неугомонная Джесс. – Ты сама себе не хочешь признаться в том, что...

– Остановись! Ты меня не слышишь?

– Нет, дорогая, это ты меня не слышишь. А я все равно скажу.

– Так... Вижу все в сборе. Отлично, – перебил Джесс только что вошедший профессор Блек. – Прошу прощения за опоздание: задержался в деканате.

– Мы потом обязательно продолжим этот разговор, – шепнула подруга Марте.

– Девушки, я вам не мешаю? Я, кажется, вошел секунду назад. Думаю, перерыв был достаточно длинным, чтобы разрешить все проблемы. А теперь самое время приступить к семинару. Как я предполагаю, тема будет интересна многим.

– Какая же скука... Если кому и будет здесь интересно, так это зануде Лео. Как же его фамилия? Фамилия твоего воз?.. – Джесс снова обратилась к Марте, которая уже закипала от злости.

– Прекрати немедленно! – выкрикнула она, не дав договорить подруге.

– Еще одно замечание, и я буду вынужден попросить вас покинуть аудиторию. Считайте, это было последнее предупреждение, – равнодушно произнес профессор.

Джесс не волновало, удалят ее из аудитории или нет. Но ради подруги, которой в отличие от нее было не все равно, она достала из сумки плеер и, будучи уверенной, что на ее выходку профессор не обратит ни малейшего внимания, надела наушники и стала слушать клубные хиты. Марта лишь вздохнула и, немного погодя, перевела взгляд в конец зала, где в одиночестве сидел Лео. Она была удивлена тем переменам, которые с ним произошли – с приходом профессора Блека он заметно оживился, исчезло безразличие во взгляде, которое было всего две минуты назад.

– Видно, не судьба. Подарок судьбы. Какую злую шутку сыграла судьба! Судьба... Как часто повторяем мы это слово?.. Наверное, достаточно часто, чтобы всерьез задуматься о его значении, – начал профессор, который любил долгие вступления. – Что такое судьба? Кто определяет судьбу? Кто способен ее изменить? Может ли человек управлять судьбой? И, наконец, как узнать свою судьбу? На эти и многие другие вопросы человек пытается найти ответы уже сотни лет, обращаясь к самым нетрадиционным методам познания – нумерологии, гаданиям, астрологии, черной и белой магии и даже к гипнозу. Кто-то связывает тайну имени и знак зодиака с тем, что ему предначертано. Скептик отвергает всякий не поддающийся научному осмыслению подход, полагая, что

в основе всего лежит закономерность, которая складывается из причинно-следственных связей, – тут профессор сделал паузу и заключил. – Итак, сегодня мы поговорим о судьбе...

* * *

Пахло только что сваренным кофе. Аромат был настолько сильным, что разбудил Джуно раньше, чем она сама планировала встать. Запах привел ее на кухню, где Софи уже готовила традиционный французский завтрак.

– Доброе утро!

– Доброе! – улыбнулась Софи. – Ничего что я хозяйничаю у тебя на кухне?

– Нет... Чувствуй себя как дома. И даже не спрашивай разрешения. Сколько времени?

– Я даже не знаю, что ответить.

– Ты о чем?

– Взгляни на часы. Мои, твои, настенные. Все показывают разное время.

– Как?

– А вот так. На моих – четыре. На твоих – семь. Настенные показывают двенадцать.

– Сейчас узнаем точное время. Минутку, – Джуна нашла пульт от старого телевизора, который скромно стоял на кухонном стеллаже.

– Даже не пытайся.

– Что?

– Там ты тоже не найдешь точного времени.

– Не понимаю.

– Биг-Бен... стрелки его часов не двигаются уже порядка двух суток. Московская башня в Кремле. Часы тоже стоят. И так повсюду.

– Считаешь, в этом есть что-то аномальное? Я думаю, всему можно найти логическое объяснение.

– Наверняка так и есть, – Софи предложила Джуне кофе. – Только вся проблема в том, что с электронными часами творится то же самое. Послушай новости... Кругом полная неразбериха. Определить время сейчас можно разве что только по солнцу, но сегодня пасмурно.

– Судя по тому, что мне уже доставили субботнюю газету, сейчас девять утра, – Джуна взяла в руки очередной выпуск.

– Кажется, понятия логики уже не распространяются ни на что. Взгляни на страницу десять.

– Что там?

– Читай вслух, – Софи разлила кофе. И пока Джуна листала газету, она вынула из духовки свежеспеченные булочки с изюмом.

– Что именно читать?

– Заметку в левом нижнем углу, – указала Софи.

– Ту, что «Ни следов, ни подсказок»?

– Да.

Тема, которую выбрал профессор, понравилась многим студентам. Мистер Блек обладал редким даром: он умел заинтересовать в своем предмете даже тех, кто был совершенно равнодушен к нему и философии. Он любил диалог со подопечными. Но немногие из них решались на дискуссию с преподавателем, большинство предпочитали отмалчиваться. Но равнодушных не оставалось, пожалуй, только за редким исключением.

– Одолеvalo ли вас хоть однажды такое чувство, что вы приходите к одному и тому же результату, что бы ни делали и как бы это ни делали, будто за вас уже все решили? – профессор Блек обратился к аудитории. – Иногда кажется, что определенные лица или случайные знакомства, непредвиденные поездки или запланированные путешествия словно были вписаны в нашу жизнь ещё до рождения. Кто-то или что-то решает, какой путь нам предстоит пройти, с кем доведется встретиться и даже когда и при каких обстоятельствах умереть. Этот кто-то или что-то определяет судьбу. Но кто мне сумеет ответить, что такое судьба?

Желающих поделиться своими мыслями в зале не нашлось. Даже Лео воздержался, зная, что профессор сам ответит. Марта же прекрасно понимая, что единственный способ привлечь в себе внимание – это высказаться, собралась

с мыслями и произнесла:

– Может быть, это некий механизм, который начинает работать с момента рождения и до конца нашей жизни?

– Каким бы ни был ответ, – профессор Блек проигнорировал ее, так уж он был устроен – никогда не отвлекался на то, что его не впечатляло. – Ясно одно: бегать за судьбой – глупо, убегать от судьбы – бессмысленно. Она всегда сама нас найдет и направит.

Марта решила не отступать:

– Судьба капризна, как ребенок и непредсказуема, как женщина. Она любит играть с человеком, подобно тому как дети играют с куклами, и не против того, чтобы ей подыгрывали. Она любит шутить над нами, но не терпит подтрунивания над собой. У нее нет души: она не знает ни любви, ни злости, ни милосердия, но все же ее легко разгневать, – она цитировала профессора, зачитывая отрывок из его книги. Когда Лео услышал слова, которые и сам знал наизусть, в его лице что-то поменялось.

– Мы вельможи, жрецы, слуги своей судьбы, и потому покорность – это главное качество, которое мы должны воспитать в себе, а быть покорным судьбе – это главное правило, которое мы должны усвоить, – подхватил он, продолжив цитату. – Благосклонность ее трудно заслужить, но вполне возможно. Она уважает и ценит трудолюбие, упорство и иные благие побуждения, всегда поощряет за них, никогда не скупясь на подарки. Главное – уметь оценить ее благородство и

щедрость...

Марта обернулась, и они с Лео встретились взглядами. Казалось, в аудитории да и в целом мире не было никого, кроме них.

– Судьбу нельзя изучить, как карту, – не дав договорить Лео, продолжила Марта, – Ее нельзя прочесть, как книгу. Нельзя увидеть, как Луну. Заглянуть ей в глаза, как женщине. Ее не заставить обнажиться, она открывается в редких случаях самым посвященным.

– Судьбе не дашь взятку, но единственное, что ее может подкупить, так это человеческие благодетели – доброта, милосердие, любовь, верность, – все то, что не свойственно ей самой, но перед чем она и все человечество благоговеет, – завершил Лео.

Аудитория замолчала. Даже профессор не сразу нашел что сказать. Джесс, которой и дела не было до философии, сняла наушники, когда увидела, как ее подруга шевелит губами. Марта продолжала пристально смотреть на Лео, который впервые в жизни не отводил глаза в сторону. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он отвернулся. Она не знала, что чувствовал он и чувствовал ли вообще хоть что-то, но четко ощущала, что творилось с ней. Сердце стучало так, что отдавалось в висках, а вспотевшие руки дрожали.

Профессор демонстративно захлопал в ладоши, на что незамедлительно последовала реакция аудитории, которая его поддержала.

– Итак, из всего вышесказанного, можно заключить, что судьба не любит, когда вмешиваются в ее творческую деятельность. Она ведет нас, направляет, но каждый раз оставляет за нами последнее слово, даруя выбор. Мы всегда можем продолжить путь, остановится или повернуть обратно, – сказал он, подводя итог. – Таким образом, даруя нам привилегию самостоятельно принимать решения, она одновременно дарует и возможность стать хозяевами своей жизни. Поэтому в уготовленном судьбой плане, то есть в плане, которому мы, казалось бы, должны следовать всю свою жизнь, могут появляться новые пункты, не предусмотренные ранее.

* * *

– Итак, – Джуна начала читать заметку. – События прошлой недели заставили вздрогнуть даже ученых и скептиков. То, что произошло с русской деревней под Великим Новгородом и позднее нашло повторение еще не в одной точке земного шара, не поддается никакому логическому объяснению. Мирные жители небольших поселений, которых в общей сложности насчитывается около тысячи, исчезли в одночасье. Вместе с тем не обнаружено никаких следов и подсказок. Как отмечалось ранее, в первую очередь пропала связь с жителями. А затем было обнаружено их таинственное исчезновение. По словам очевидца, приехав в субботу в свой загородный дом, он увидел, что поселок загадочным обра-

зом опустел...

– Можешь, не продолжать, – сказала Софи.

– Слушай, не стоит этому верить. Местные газетенки изо всех сил пытаются поднять рейтинги и увеличить тиражи. Вот и выдумывают всякую ерунду, – Джуна отложила газету.

– Не понимаю я тебя. Занимаешься бог знает чем. И сама же отрицаешь...

– Я ничего не отрицаю, – перебила подругу Джуна. – Просто нужно четко знать, чему можно верить, а чему нет.

– Допустим. Ну а как ты объяснишь то, что происходит сейчас?

– Ученые найдут этому объяснение. Или придумают объяснение, – ответила гадалка.

– Скорее второе, – буркнула Софи. – Все каналы трезвонят об одном и том же. Все это так жутко, что напоминает конец света.

– Не знаю, как у тебя, но у меня планы дожить до глубокой старости. И по графику конца света нет, по крайней мере, на ближайшие двадцать лет, – Джуна рассмеялась, собирая салфеткой пролитый на стол кофе.

* * *

Профессор Блек закончил семинар на несколько минут раньше, сославшись на какие-то чрезвычайно важные дела. И прежде чем аудитория опустела, попросил Лео задержаться.

– Ты слышал что-нибудь о Международной конференции

в Лионе, которая состоится через три недели? – спросил профессор, когда студент подошел к преподавательскому столу.

– Не припоминаю.

– Да тут собственно и припоминать нечего. Это первая и, скорее всего, последняя научно-исследовательская конференция, а, вернее сказать, ее подобие, где сотни ученых попытаются ответить на сотни вопросов.

Лео смутился. Он не понимал, к чему клонит профессор.

– Так вот, это хорошая возможность побывать во Франции и послушать красноречивых зануд в черных костюмах. Я предлагаю тебе составить мне компанию. Мне нужен кто-то, кто будет одергивать меня, когда я буду засыпать на чужих докладах.

– Мне кажется, или вы действительно не желаете принимать в ней участие? – Лео не почувствовал в словах мистера Блека ни капли энтузиазма, присущего людям, увлеченным наукой. Сам же Лео воодушевился, представив, что в огромном зале он услышит миллион теорий и гипотез.

– Скажем так, я не горю желанием, – ответил равнодушно профессор.

– Зачем тогда вы едете сами и предлагаете мне?

– Это нужно не мне, а университету. Мое участие поднимет рейтинг факультету и кафедре в частности. А тебе, я так думаю, это действительно будет интересно.

– Но как же...

– Выражаясь проще, меня обязали, а обязывать тебя я не

имею никакого права, но буду очень рад, если ты все-таки согласишься. Подумай, я тебя не тороплю. А когда примешь решение, сразу же сообщи мне.

У Лео на этот счет не возникало никаких сомнений, он не собирался упускать шанс, который выпадает лишь однажды.

– Да я даже думать не буду. Я согласен.

– Вот и отлично.

– Я тоже хотел кое о чем вас спросить и, если вы позволите, – Лео не успел договорить. Их разговор нарушил звонок мобильного. Профессор Блек вынул из внутреннего кармана пиджака телефон и незамедлительно ответил. Закончив диалог, он еще сильнее заторопился.

– Так что ты хотел спросить?

Лео знал, что не получит внятного ответа на вопрос, который его беспокоил уже порядка трех недель, поэтому решил повременить с разговором.

– Да ничего особенного.

– Уверен?

– Да, мелочи.

– Ладно. В таком случае раз ты согласен, нам нужно будет встретиться, – профессор посмотрел на часы, – У тебя будет свободная минутка примерно в семь вечера?

– Да, конечно.

– Замечательно. Знаешь кафе за углом?

– То, что «Кэйк»?

– Именно. Если не возражаешь, там мы и обсудим детали

нашего отъезда...

Профессор поставил Лео перед фактом и отправился к выходу, даже не уточнив, сможет тот прийти вечером или нет.

* * *

В кафе нашлось немало людей, желающих что-то перекусить в обеденный перерыв. За чашкой кофе посетители оживленно обсуждали время и прочие аномалии, о которых говорил уже весь мир. Прошло сорок минут с того момента, как должна была появиться Света. Роза знала, что подруга не отличается пунктуальностью, но тот факт, что она опаздывала уже почти на час, выводил ее из себя. Время от времени она посматривала на часы. Люди приходили и уходили, а Света так и не появлялась на пороге. Потягивая вторую чашку кофе, Роза потеряла надежду на то, что подруга явится на встречу. Она уже собиралась расплатиться по счету, как вдруг невольно стала свидетелем разговора за соседним столиком.

– Может, все дело в солнце?

– Вряд ли. Я слышала, что это какие-то магнитные аномалии выводят часовые механизмы их стоя.

Роза внимательно прислушалась к тому, что говорили молодые люди, с трудом разбирая слова. Она посмотрела на свои часы и увидела, что они стоят. Она постучала по ци-

ферблату, но стрелки не сдвинулись с места. Тогда она обратилась к проходившей мимо официантке:

– Извините, не подскажите сколько времени?

– Время, – сделав секундную паузу, девушка взглянула на часы, – час сорок пять.

– Пятнадцать минут первого, – произнес высокий, худощавый мужчина в темно-зеленом клетчатом пиджаке свободного покроя. – Будьте добры, чашечку кофе со сливками, – попросил он официантку и тут же обратился к Розе. – Не возражаете, если я присяду?

Роза была немного смущена появлением незнакомца, но, увидев, что все столики в кафе заняты, не смогла ему отказать.

– Да, конечно, – с этими словами она сняла с запястья браслет и стала налаживать механизм.

– Часы встали, – улыбнувшись, произнесла она, – наверное, вода попала.

– Кажется, здесь у всех такая проблема, – сказал незнакомец, отхлебнув кофе, – Я заметил, что вы скучаете.

– Дело не в этом. Я просто жду подругу, которая никак не удосужится прийти.

– Ваш кофе остыл. Может, еще заказать?

– О нет, спасибо. Это будет уже третья чашка.

– Зря не верите.

– Простите?

– Вы поставили часы на час сорок пять. Сейчас пятна-

дцать минут первого.

Роза немного возмутилась. Ей казалось, что мужчина бредит. Да и все указывало на то, что он был нездоров. Старомодный клетчатый пиджак, какие уже никто не носит. Безумный взгляд. Противоречивый разговор. Он смахивал на сумасшедшего, который только что сбежал из психушки.

– Не утруждайте себя, – сказал незнакомец.

Роза сделала вопросительный взгляд.

– Часы встанут снова.

– Что?

– У двадцати трех человек из шестидесяти восьми, что находятся здесь, включая начальство и трудовой персонал, часы стоят. У остальных сорока пяти показывают неверное время.

– Вы бредите!

– Вы же прекрасно слышали все эти разговоры.

– Не понимаю, что вам от меня нужно?

– Пока ничего. Только время.

– Слушайте, я думаю, что мне стоит уйти.

– Прежде чем вы сделаете это, взгляните на часы.

Роза посмотрела на циферблат, не прошло и двух минут, а стрелки вместо часа сорока пяти показывали шесть тридцать. Она схватила сотовый, на дисплее высветились цифры: 05:15.

– Что же это такое? – в ужасе воскликнула она.

– Время – всего лишь вечность.

– Что?

– Запоминайте! Настоящего нет. Есть только то, что было, и то, что будет. Настоящее не есть настоящее. Это лишь будущее по отношению к прошлому и прошлое по отношению к будущему, – быстро бормотал он. – Человек живет одновременно в своем прошлом и своем будущем. Прошлое – то, что мы не можем изменить. Будущее – то, о чем мы не можем узнать. Настоящее... Миг... Мгновение, которое мы не можем уловить.

– О чем вы?

– Слушайте дальше! Невозможно оценить время. Разве можно оценить вечность?

– Я вообще не понимаю, о чем вы говорите, – Роза нахмурилась.

– Не смею вас больше задерживать, – он положил на стол несколько купюр и произнес. – Помните, время – странник в пространстве. Человек – путник во времени. Время находит то, что мы ищем. Именно время дарит нам истину, а вместе с ней и знание. Оно не любит маски и беспощадно срывает их. Ваше время еще не пришло. Прощайте!

– Пойдите! – Роза окликнула мужчину.

– И последнее... Часы ... Теперь они отмеряют вашу жизнь. Не позволяйте стрелкам касаться двенадцати.

– И что все это значит? – Роза не успела получить ответ, мужчина выскочил из кафе, будто за ним кто-то гнался.

Но как только странный незнакомец скрылся, она выдохнула. Ей оставалось лишь прокручивать каждую его фразу в поисках мало-мальского смысла. Она достала кошелек и собиралась расплатиться, когда к столику, за которым она сидела больше часа, внезапно подлетела Света.

– Неужели соизволила явиться! – воскликнула Роза.

– Но мы же с тобой договаривались, что встретимся в двенадцать тридцать. Я приехала даже раньше на целых пятнадцать минут.

– Ты хотя бы знаешь, который час? – возмущенно произнесла Роза.

– Ну да. Двенадцать пятнадцать.

– Что? – Роза схватила подругу за руку и посмотрела на часы, которые действительно показывали пятнадцать минут первого. – Не может быть. Значит, он был прав?

– Кто был прав?

– Потом расскажу, – Роза снова взглянула на свои наручные часы, которые показывали уже девять двадцать.

– Ладно. Да это и неважно. Ты не представляешь, что творится в городе, – Света поправила прическу.

– Что случилось?

– Все как будто с ума сошли. Магазины закрыты. На дорогах пробки. Представляешь, даже метро закрыли! – Света говорила так громко, что рядом сидевшие посетители оборачивались в ее сторону. – Нет, ты только представь!

– Поверить не могу, – Роза пыталась осмыслить, что про-

изошло с ней и миром за последние полчаса.

* * *

Между приемами выдалась свободная минутка. И теперь Джуна возилась на кухне, пытаясь приготовить для гостьи очередную вкуснятину. Запахи были настолько соблазнительными, что ни один гурман не смог бы отказаться от сочного ароматного мяса и той выпечки, которой она решила порадовать Софи. Обед уже был почти готов, осталось только достать пирожки из духовой печи и оформить порции. Джуна искала салфетки, когда услышала крик подруги из соседней комнаты. От неожиданности она выронила из рук тарелку, которая тотчас разбилась.

– Софи, что у тебя там?! – крикнула Джуна и, не дождав-
шись ответа, спросила снова. – У тебя все в порядке?

Но подруга не отозвалась и во второй раз. Гадалка отложила собранные осколки и поспешила в комнату, где обычно проводила сеансы. В коридоре она столкнулась с напуганной подругой, которая сползла на пол от испуга.

– Что случилось?! – Джуна кинулась к ней, испугавшись, что у нее какой-то приступ. – Что с тобой?!

– Там, – Софи с трудом связывала слова и то и дело тыкала пальцем в дверь кабинета, – я видела девушку.

– Какую девушку? Дома, кроме нас, никого нет!

– Она была там!

Джуна встала и с опаской приоткрыла дверь в гадальную комнату, чтобы проверить, не проник ли кто незаметно в квартиру.

* * *

Когда Света расправилась с фруктовым салатом и выпила чашку зеленого чая, подруги отправились на прогулку в парк недалеко от кафе. Присев на скамью возле фонтана, они обсудили все организационные вопросы выставки. Света уверила Розу, что через пару дней помещение будет полностью готово.

– Чуть не забыла... Полотна нужно отдать дизайнером, чтобы они подготовили багетные рамки. Но это уже будет позднее, когда мы увидим сам зал.

– Отлично.

– Я думаю, мероприятие будет на высоте. Точнее, я уверена в этом, – Света достала сигарету.

В парке было не так много людей. Семейные пары, студенты, старики – все бродили по аллеям, усыпанным золотом осеннего листопада. Взгляд молчавших уже десять минут подруг неожиданно приковала дама, которая сидела на соседней лавке. Красивая солидная женщина что-то кому-то объясняла. И все бы ничего, но собеседник ее был невидим. Достав из сумочки книгу, она встала и побрела по тропе, продолжая разговаривать сама с собой.

– С ума сойти, – возмущенно произнесла Света. – Город сегодня как будто с катушек слетел. По улицам спокойно разгуливают сумасшедшие. Психам место в психушке. Так ведь? – обратилась она к подруге, которая провожала женщину взглядом.

– С чего ты взяла, что она сумасшедшая?

– Ну разве можно назвать человека, разговаривающего с собой, нормальным?

– Ну не знаю.

– Ты сегодня сама какая-то странная. У тебя все хорошо?

– Не уверена в этом, – ответила Роза. – Знаешь, а что если сумасшедшие вовсе не сумасшедшие?

– О чем это ты?

– Я имею в виду, что если они кажутся нам сумасшедшими, это вовсе не означает, что они в действительности такие. Это сложно объяснить, – Роза замолчала.

– Подруга, по-моему, ты сама начинаешь сходить с ума.

– Ты не понимаешь, что я хочу сказать. Даже эта женщина... Может, она видит или слышит то, что не могут видеть и слышать другие. Что если есть люди, которым открывается немного больше, чем всем остальным... Им доступно то, что недоступным остается для нас.

– Откуда такие мысли?

– Знаешь, я сегодня встретила человека, который сначала показался мне невменяемым. Но сейчас я уверена, что он не был сумасшедшим.

– Это он вбил всякую ерунду тебе в голову?

– Да нет же! Он говорил странные вещи, из которых я ничего не поняла. Что-то про время...

– Ну время сейчас все обсуждают. Как будто его нет...

– Вот и он говорил то же самое!

– Брось, Роза, не забивай голову всякими бредовыми мыслями. У тебя сейчас есть дела поважнее. Выставка, например. А сумасшедшие пусть подождут, – Света выкурила еще одну сигарету.

* * *

Все вещи были на своих местах. Ничто не указывало на то, что в доме кто-то был.

– Софи, там никого нет.

– Сейчас, может, и нет.

– Тебе показалось. Взгляни сама, в комнате ни души, – сказала Джуна.

– Я что, по-твоему, похожа на сумасшедшую?

– Тут никого нет! Успокойся! Ну и напугала же ты меня!

– Послушай, я видела ее. Она была в зеркале. И ты можешь мне не верить, но она там была!

– Да кто она?! Еще и в зеркале... Может, ты себя в отражении не узнала?!

– Она там была! Красивая брюнетка с голубыми глазами. Она смотрела на меня и улыбалась, – повторила Софи. – Я

переезжаю. Я не останусь здесь больше ни минуты.

– Не веди себя, как маленькая девочка! У тебя просто форменная истерика. Куда ты собралась? В гостиницу? – спросила Джуна. – Нет. Ты сейчас пообедаешь, а затем приляжешь и немного поспишь. И больше никаких разговоров! Я тебя никуда не отпущу!

* * *

Катя проснулась. Умылась. Приготовила себе завтрак. Все это она делала не спеша. Сегодня ей было некуда торопиться. Выходной... День, который она так ненавидит. Ей некуда было пойти. И не с кем. Не по кому было скучать. И самое противное, что никто не скучал по ней. Все, что она делала в эти дни, – это мечтала в одиночестве. Она радовалась тому, что хотя бы в своих мечтах могла быть тем, кем хотела.

Сегодня она не хотела находиться дома. На улице было холодно, но это не остановило ее. Она надела черное пальто. Взяла зонт. Закрывает дверь. Вызвала лифт. Вышла на улицу и оказалась под дождем. Снова... Дождь был единственным спутником ее жизни... Лучшим и верным другом.

– Зачем жить, если рано или поздно умрешь? Любить, если в любовь никто не верит? Зачем страдать, если страдания никто не понимает? Задавать вопросы, ведь не найти того, кто на них ответит? Играть роль, если она не твоя? Бегать за счастьем, если его все равно не догнать?

Зачем быть слабым, если все решают сильные? Терпеть, если никто не оценит? Умолять, если просьбу никто не услышит? Искать, если все равно не найти? Зачем надеяться, если все решили за тебя? И мечтать, если мечте не суждено сбыться? Стоит ли жизнь всего этого?

Катя искала ответы на все вопросы, но получить ответ хотела лишь на один из них... на последний. Она хотела узнать, чего стоит ее жизнь...

* * *

Уолт собирал банки из-под пива, оставшиеся после вчерашнего вечера. Питер вернулся домой раньше, чем он предполагал. Не сказав ни слова, друг принялся собирать вещи.

– Привет. Уж кого не ожидал увидеть, так это тебя. Неделя не прошла, а ты уже дома. Смахивает на аномалию, – пошутил над другом Уолт.

– Нравятся аномалии? Включи телевизор или хотя бы радио. Их там предостаточно.

– О чем это ты?

– Ах да, я забыл, ты же не вылезает из своей каморки и не знаешь, что происходит.

– Не хочешь говорить, не говори. Я могу хотя бы узнать, куда тебя уносит на этот раз?

– Улетаю в Санкт-Петербург. На несколько дней. А затем в Лион.

– Санкт-Петербург? Тот, что в России?

– Нет, тот, что в Африке.

– Дай угадаю. Ты наверняка хочешь попросить у меня денег. Но, Питер, извини, благотворительностью я больше не занимаюсь.

– Мимо.

– Россия... Тебе тут приключений не хватает?

– Это всего лишь на неделю. Наведаюсь к родственникам.

– Ты и за это время найдешь себе приключения. Зачем тебе в Санкт-Петербург?

– Мне нужно кое-что сделать.

– Какие у тебя могут быть дела в другой стране? Это немыслимо.

– Я не желаю слушать нотации. Денег просить я тоже не собираюсь. Я хотел предложить тебе составить мне компанию, но, видимо, делать этого не стоит, – сказал Питер. – Удачи!

Уолт не ожидал получить подобное предложение, но мгновенно ухватился за него. Ему давно хотелось сменить обстановку, лучшего способа было не придумать. А наличие действующей визы стало весомым аргументом сказать Питеру «да».

– Постой! Если ты подождешь, я быстро соберу вещи.

– В таком случае поторопись. Надо успеть на ближайший рейс.

– У тебя даже нет билетов?!

– Нет, но будут, если ты поторопишься...

* * *

Профессор так и не пришел в назначенное время. Лео сделал несколько звонков, но поговорить ему удалось лишь с автоответчиком. Осознав, что ждать бесполезно, он решил вернуться к себе. На пороге родительского дома он встретил Марту.

– Привет, я жду тебя, – она улыбнулась.

– Чтобы не приходилось ждать, нужно предупреждать, когда собираешься прийти, – не заметив своей грубости, Лео вставил ключ в замочную скважину и отворил дверь.

– Не знала, что мне нужно спрашивать разрешения, чтобы зайти к тебе. В следующий раз я это учту. Извини. Судя по всему, я не вовремя, – она настолько сильно хотела увидеть его, что проигнорировала его недоброжелательность.

– Ты права, я не настроен сейчас ни на какие разговоры, если ты пришла поболтать о всякой ерунде...

Лео всегда был холоден, но таким, как сегодня, он не был никогда.

– Еще раз прости, – она надеялась, что он извинится в ответ за свой тон, но этого не произошло. – Я просто хотела попроситься.

Лео поменялся в лице, но его глаза остались пустыми. Они не отражали ни удивления, ни грусти, ни печали, ни до-

сады.

– Попрощаться?

– Я уезжаю. Из Кливленда. Навсегда, – дрожащим голосом произнесла Марта, еле сдерживая себя. – Хотела поговорить с тобой, но...

– Неожиданно. И куда уезжаешь?

– В Европу.

– Я даже не знаю, что сказать.

– Ничего не говори, – тихо произнесла Марта. – Я пойду.

Прощай.

– Пока, – Лео вел себя так, словно завтра они снова увидятся на парах в университете. Она посмотрела на него последний раз, но найти во взгляде признаки того, что ему не все равно, так и не смогла.

Она так хотела, чтобы он прокричал вслед ее имя, схватил за руку и попросил не уезжать, но вместо этого она услышала лишь звук захлопнувшейся двери. Слезы хлынули ручьем. Ни слов о том, что по ней будут скучать и ее будет не хватать, ни просьбы дать адрес, чтобы писать письма, ни приглашения пройти домой, чтобы в последний вечер вдоволь наговориться. А ведь она думала, что она была одной из тех немногих людей, кому Лео доверял, к кому хоть как-то был привязан...

Серые улицы. Серый дождь. Серая жизнь. Катя шла. На встречу пустоте. В никуда. Не было грусти. Она бесцельно бродила по улицам, пока не увидела красивого черного лабрадора, который сразу же принялся обнюхивать ее.

– Сейчас он начнет облизывать ваши ботинки, – она услышала старческий голос и, увидев слепого мужчину, сразу поняла, что пес оказался поводырем.

– Замечательная у вас собачка, – Катя была доброжелательна. За последние пять лет этот прохожий оказался первым человеком, который заговорил с ней на улице.

– Да, это мой лучший друг, а после смерти жены еще и единственный, – сказал он, почесав питомца за ухом. Катя молчала. Она увидела на лице незрячего человека столько радости и оптимизма, сколько не встречала на лицах здоровых людей.

– Я мог бы вас попросить, проводить меня до третьего дома, а то мой маленький друг не знает здешней местности, – пожилой мужчина улыбнулся. Кате некуда было торопиться, поэтому она согласилась помочь старику, который почему-то показался ей знакомым.

– Давно у вас появился такой славный приятель? – спросила Катя и только потом поняла, что это было бестактно. – Извините. Глупый вопрос.

– Почему же глупый. Не так давно. Около года. Я ослеп в двадцать лет. Но всю жизнь меня окружали люди, которые заботились обо мне. А после смерти жены, кроме Шнурка, у меня никого не осталось.

– Наверное, вам тяжело пришлось, – Катя об этом только подумала, но слова опередили мысли.

– В моей жизни для счастья было всего достаточно. Любящая семья. Верные друзья. Словом, не у всякого зрячего есть то, чем обладал я.

Глаза Кати заблестели от навернувшихся слез. Она замолчала, опасаясь, что ее выдаст голос, и даже слепой увидит ее насквозь.

– Отчего может грустить такая красивая девушка, как вы? – неожиданно спросил он.

– Что?

– Знаете, я уже давно научился видеть, будучи слепым. На ваших глазах слезы. Откуда они?

– Вы счастливый человек. Я вам искренне завидую.

– Счастье скоротечно. Не бойтесь быть несчастной. Бойтесь быть счастливой.

– Мне двадцать шесть лет. И я до сих пор не знаю, что такое счастье, – призналась Катя. Оказалось, что незнакомому да еще и слепому человеку легко открывать душу.

– Почему?

– Сама хотела бы найти ответ на этот вопрос.

– Знаете, когда я еще видел, я мечтал стать художником,

рисовать пейзажи. Поступил в художественное училище, но все мне говорили, что я бездарность. И действительно мои работы были так себе, – тут он замолчал, словно пытаюсь припомнить детали. – Знаете, как я ослеп? Увидел, как на дорогу выбежал совсем маленький мальчик, ему было годков пять, не больше... Вы же знаете, как гоняют, – старик сделал паузу. – Так вот, мне ничего не оставалось, как оттолкнуть его и под колеса подставиться самому... От удара я получил серьезную травму головы. От нее зрение начало стремительно ухудшаться, пока я окончательно не ослеп. По сравнению с этим переломы казались мне ерундой. Кости срослись, а зрение меня навсегда покинуло.

– Как ужасно...

– Да... слепой художник. Что может быть хуже?.. Только глухой музыкант, – старик расхохотался. – Мальчик, кстати, этот через двенадцать лет стал чемпионом по плаванию. А я именно тогда и познакомился со своей будущей женой, с которой много или мало прожил тридцать девять лет... И теперь я думаю, все это должно было со мной случиться. Это была неизбежность. Судьба, как говорится. Я должен был сделать то, что сделал. Так и ты, – старик незаметно перешел на «ты».

– Что я?

– Каждый из нас не сможет получить от жизни то, что хочет, пока не сделает то, что должен. И ты не исключение. Чтобы успеть сделать то, что хочешь, для начала тебе нужно

сделать то, что ты должна.

– И как мне определить, что я должна сделать?

– Иногда путем горьких ошибок, неоправданных надежд, долгих ожиданий приходится преодолеть сотни неверных путей, чтобы хотя бы на шаг приблизиться к дороге, которая поможет душе не заблудиться в лабиринте жизни ... Не помню, кто сказал.

– Все это так сложно...

– Такова реальность, дочка. Знаешь, с чем я всегда сравниваю жизнь? С марафоном... В ней, как в забеге на очень длинную дистанцию. Можно сдать на самом старте, можно дать себя обогнать. Но никогда нельзя отчаиваться. Надо пытаться добежать до финиша первым, иначе никогда не узнаешь, что чувствуют люди, преодолевая черту. Главное, верить в себя, чтобы в тебя поверили другие... Жизнь – самый тяжелый вид спорта, соревнования здесь почаще, чем в футболе или теннисе. Но зато чемпионы жизни – самые крепкие и выносливые люди. Они не знают, что такое проигрывать и поэтому никогда не проигрывают...

Катя не заметила, как закончился дождь и они оказались во дворе третьего дома.

– Вот мы и пришли, – объявила она старику.

– Спасибо, ты мне очень помогла.

– Я даже не знаю, кто кому больше помог.

– Ты только не забывай одну вещь.

– Какую?

– Счастлив тот, кто больше страдает. Даже в моменты самой незначительной радости счастье такому человеку кажется безграничным.

Катя в последний раз взглянула на пожилого мужчину, и ей бросился в глаза зеленый клетчатый пиджак. Она вспомнила, что вчера, стоя на крыше, она видела именно его, и поняла, что сейчас говорит с человеком, который не позволил ей умереть накануне.

– Вы спасли мне жизнь, – она вдруг захотела его поблагодарить.

– Я беспомощен, как дитя. Как я мог спасти тебе жизнь, Катя?

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – она удивилась. – Я вам не говорила.

– Догадался.

– В мире сотни имен, а вы говорите, что догадались. Вы меня знаете?!

– Тебе пора домой. Поторопись, а то опоздаешь.

– Куда опоздаю? – Катя сморщилась. Она оглянулась и увидела, как над ее домом поднимаются столпы дыма.

Когда она вновь обернулась, то не обнаружила ни его, ни собаки. Из подъезда вышла молодая женщина, на поводке у нее был тот самый пес, но звали его иначе. Катя хотела расспросить ее о старике, но сирены скорой помощи заставили ее броситься к дому. Она молилась только об одном.

Софи почти не притронулась к еде, а Джуна наблюдала за тем, как подруга ковыряла вилкой в своей порции.

– Я знаю, в это сложно поверить, но я ее видела, – тихо сказала Софи, отделяя овощи от мяса.

– Кого ее?

– Девушку.

– Ты ее знаешь?

– Откуда? Неужели в это так сложно поверить?

– Несложно. Но ты боишься зеркал...

– Да не боюсь я зеркал. И я смотрела на нее, как сейчас смотрю на тебя, – Софи замолчала. – Я бы сама любого подняла на смех за подобную байку, но я видела ее собственными глазами.

Джуна молча налила себе чая и принялась разглядывать подругу, словно стараясь найти в ней какой-то дефект.

– Может, ты и права. Наверное, мне все привиделось, – Софи начала сомневаться.

– Я тебе верю.

– Что?

– Думаю, ты действительно видела то, что видела.

– Тогда объясни мне, что со мной произошло.

– Мы видим только одну реальность. Так? А что находится там, где она кончается? – спросила Джуна.

– Другая реальность? – вопросом на вопрос ответила Софи.

– Возможно.

– А сколько их всего? Прошу, не говори загадками!

– Софи, откуда же мне знать? Я так же, как и ты, училась на факультете иностранных языков, а не на кафедре паранормальных явлений – не выдержав, Джуна повысила голос. – У меня есть книга какого-то очень известного американского профессора. Стюарт Блек, если я не ошибаюсь. Он писал про феномен зеркал. Надо заглянуть в нее. Она в кабинете.

– В той самой комнате? – Софи категорически отрезала. – Я туда не пойду.

– Слушай, ты же сама говорила, что девушка была в зеркале, а не в комнате!

– Какая разница! – воскликнула гостя. – Она была там и точка. Не в гостиной, не ванной, а в кабинете!

– Ладно, я одна схожу.

Джуна, не допив чай, отправилась в кабинет. Через минуту она вернулась. В руках у нее была книга в истрепанной обложке, которая больше смахивала на энциклопедию. Гадалка открыла оглавление и сразу же нашла нужную страницу.

– Триста сорок пятая, – она пролистала внушительный фолиант, пока не оказалась в седьмом разделе. – Итак, «Реальности и зеркала или реальность в зеркалах?».

Лео искал в интернете информацию о Лионской конференции. На официальном сайте был размещен список приглашенных гостей, среди которых он нашел и Стюарта Блека. Он внимательно изучал план мероприятий, список заявленных тем, даты открытия и закрытия научного форума, когда позвонил телефон.

– Да, я слушаю, – недружелюбно ответил он, подумав, что звонит Марта.

– Лео, это Наталия, помощница профессора Блека, – слышался растерянный голос. – Он успел рассказать тебе что-то про форум?

– Да.

– Тогда если ты согласен, то завтра зайди в деканат. Мы оформим документы. Во Францию ты полетишь с профессором Коул.

– Но ведь я должен был лететь с...

– С профессором Блеком случился несчастный случай. Увы, смертельный...

– Что? – переспросил Лео, но в ответ услышал лишь телефонные гудки. Наталия повесила трубку.

В голове закрутились разные мысли. Только сегодня утром Лео видел преподавателя на семинаре. Слышал, как тот подтрунивал над студентами, как воодушевленно расска-

зывал какую-то историю из университетской жизни. А теперь его не стало. Почему-то это заставило его вспомнить о Марте, которую обычно он избегал.

Он схватил куртку и, никого не предупредив, выбежал из дома.

* * *

Все сгорело дотла. Ничего не осталось.

Катя стояла среди обугленных стен убогой квартиры. Едкий запах резал глаза. Она не чувствовала сожаления. И вообще ничего не чувствовала. Не ощущала даже одиночества. Словно вместе с квартирой сгорело и ее прошлое.

Вокруг все обсуждали, что стало причиной пожара. Но Кате было все равно. Потеребив карманы, она нашла ключи. Улыбнулась. И выбросила их. Они ей были больше не нужны. Она взяла сотовый телефон и сделала звонок.

* * *

Во скольких реальностях может существовать человеческая душа? Могут ли сны быть реальностью? Параллельные миры... Существуют ли они? Есть ли миры прошлого, настоящего и будущего, ведь прошлое, как и будущее, скла-

дывается ежесекундно. Значит, на каждое мгновение истории отводится по одному измерению? Не многовато ли? А могут ли все эти реальности пересекаться? Например, когда сбываются сны или мы видим умерших родственников. Мы не можем об этом судить лишь потому, что человеку дано воспринимать только то, что он ощущает, видит и слышит, подобно зеркалу, которое показывает только то, что отражается.

Но зеркала искажают действительность, они обманывают, а значит, зеркальное отражение – это лишь отражение искаженной реальности, а не действительной. Тайна зеркала непостижима. Лишь оно способно показывать несколько реальностей, которые могут пересекаться во времени и пространстве. Да и в самом зеркале наверняка есть еще один мир, зазеркалье.

Таким образом, мы можем судить о реальности предметов и явлений, реальных или нереальных относительно самого человека. Но реален ли человек? Ведь реально только то, что есть на самом деле. А есть ли мы на самом деле? Если нет, значит, и мы нереальны.

– Ничего не понятно. И что же, получается, я видела? – спросила Софи, не дав Джуне дочитать отрывок.

– Не знаю, – гадалка пожалала плечами. Она хотела еще что-то сказать, когда в дверь кто-то постучал. Обычно звонили в звонок, но Джуна не придавала этому значения. Она решила, что это кто-то из соседей, и поспешила открыть, даже не

посмотрев в глазок. Но за порогом никого не оказалось.

– Что за чертовщина? – прошептала гадалка.

* * *

– Я хотел извиниться за то, что был слишком груб с тобой, – сказал Лео.

– Уже не имеет значения, – ответила Марта.

– Ты слышала?

– О чем?

– Профессор Блек погиб.

– Да, весь университет на ушах стоит.

– Я об этом не знал. Сегодня мы договорились встретиться, но он так и не пришел.

– Недалеко от университета идут ремонтные работы по реконструкции административного здания. Рабочие плохо закрепили леса. Когда они обвалились, профессор проходил мимо.

– Странно.

– Действительно, – Марта ждала, что еще скажет Лео.

– И жутко глупо. Он занимался вопросами судьбы, а от своей убежать не сумел. Это так нелепо. Как будто смерть предназначалась не ему. Такие люди должны умирать от старости, а...

– Лео, скажи честно, ты пришел поговорить только об

этом? – перебила его Марта.

– Я даже не знаю, зачем пришел, – он ответил честно – Наверное, хочу рассказать тебе то, что не успел рассказать ему.

Марта молчала. Она смотрела в его голубые глаза, пытаясь найти в них то, что искала каждый раз, когда они встречались и оставались одни. Но не могла. Она видела лишь пустоту.

– Каждую ночь мне снится один и тот же сон, – начал он. – И в этом сне всегда одни и те же люди, которых я не знаю. Там есть ты и профессор Коул. Сон снится уже на протяжении двух недель. Но лиц я не вижу...

Марта рассмеялась.

– Что смешного? – спросил Лео.

– Я есть в твоих снах, но меня нет в твоей жизни, – шепнула она.

– О чем ты?

– Лео, я уезжаю. Неужели ты не понимаешь? Ты остаешься совсем один.

– Я не боюсь одиночества. Тем более что одиночество – это не порок. Порок – то, что мы позволяем находиться рядом с собой людям, которых совершенно не любим только потому, что боимся остаться одни. Зачем стремиться к тому, чтобы постоянно окружать себя людьми, и неважно, значат они для нас что-то или нет.

– А я?

– Что ты?

– Я что-нибудь значу? – спросила Марта. Но Лео не знал, кем она была для него.

– Ладно, можешь не отвечать, – сказала она и после минутной паузы добавила. – Жизнь абсурдна, когда в ней никого нет.

– Нет. Она абсурдна, потому что мы ограничиваем поиск в рамках одного города. Но что такое один город, даже мегаполис, в сравнении с целым миром? И неудивительно, что вокруг так много одиноких. Представь только, что людям и вовсе не суждено встретиться лишь потому, что они живут на разных континентах и говорят на разных языках.

– А ты не думал, что этот нужный человек может быть совсем рядом, гораздо ближе, чем ты можешь себе представить? И он просто ждет, когда ты это поймешь, – Лео услышал в словах Марты гораздо больше, чем она пыталась сказать. Он посмотрел ей в глаза. Впервые... Их взгляды встретились. Наконец... Он понял то, чего не понимал раньше...

Марте так хотелось закричать, обнять его... Но было уже поздно что-то делать. Она уезжала.

– Мне пора.

– Подожди! – вскрикнул Лео.

– Не могу, – перебила его Марта. Она боялась, что словами он в очередной раз ударит в самое сердце. Она хотела запомнить его таким, каким он был сейчас.

– Прощай. В этот раз навсегда, – Марта ушла, закрыв за

собой дверь, а Лео остался стоять во дворе ее дома.

Его охватили странные мысли... Ощущения и чувства... От них закружилась голова.

* * *

В аэропорте объявили посадку на рейс до Москвы. Уолт и Питер одни из первых прошли на борт самолета.

– Почему мы взяли билеты до Москвы? – спросит Уолт, листая какой-то журнал.

– Прямого рейса до Санкт-Петербурга не было. Поэтому летим сначала в Москву.

– А как будем добираться оттуда?

– У меня там живет друг. Он нам и подскажет, как лучше поступить.

– Будем считать, что у тебя есть план.

– Какой еще план? Зачем нам какой-то план?

– Как зачем? – переспросил его Уолт. – Ты едешь в страну, в которой ни разу не был.

– Я был. И, между прочим, с тобой.

– Путешествие туристической группой не считается.

– Уолт, не делай так, чтобы я пожалел о решении взять тебя с собой, – буркнул Питер. – У меня там есть еще родственники.

– Что за важные дела могут быть у тебя за океаном?

– Расскажу как-нибудь потом, – ответил Питер. – Это ско-

рее задание. Мне нужно увидеть одного человека. Как только я с ним встречу, мы сразу улетим из России.

– Не понимаю.

– А тебе и не надо ни во что вникать. Можешь считать эту поездку отпуском. Расслабишься, погуляешь. Слышал, что Санкт-Петербург в России – это все равно, что Венеция в Италии? Может, и вдохновение появится, – ухмыльнулся Питер.

– У меня нет больше с ним проблем.

– Неужели?

Уолт не стал ничего отвечать, зная, что другу это не особо интересно. Посадка завершилась, капитан поприветствовал пассажиров, а старший бортпроводник представил коллег и зачитал инструкцию, после чего самолет вышел на взлетную полосу.

* * *

Лео достал с верхней полки монографию профессора Блека. Он знал наизусть каждую его статью и теперь листал одну книгу за другой в поисках каких-то подсказок. Сегодня он потерял сразу двух близких людей. Смерть профессора помогла ему понять, насколько дорога и близка ему была Марта. Но сегодня он лишился и ее.

В голове то и дело мелькал образ сокурсницы, слышались обрывки последних фраз. Слова ее теперь звучали по-но-

вому. И он наконец понял смысл, который она вкладывала. Но было слишком поздно...

* * *

– Почему именно они? – задал вопрос кто-то.

– Они рождены для этого. Рождены для попытки.

– А если они не смогут?

– Только когда они сделают то, что должны сделать, они найдут свое место в мире. В противном случае...

– Я вас понял, – сказал кто-то, и наступила тишина.

Глава 3

* * *

Утром в деканате подтвердили, что во Францию Лео вылетит с профессором Коул. Там же настоятельно посоветовали собраться с мыслями и подготовиться к незабываемому опыту. Лео не понимал, что такого может быть в обычной научной конференции, ведь это не кругосветное путешествие.

Как только ему выдали всякие бумажки, он сразу пошел на занятия. Пару профессора Блека заменил молодой преподаватель в очках с толстым стеклом. Доцент заикался так, что слушать его лекции было просто невыносимо. Место Марты пустовало. Рядом сидела грустная Джесс. А Лео не мог привыкнуть к тому, что происходит. За один день в его жизни произошло столько изменений, сколько не происходило за все двадцать лет...

* * *

Питер проспал все время, что они с другом пробыли в воздухе. Уолт же все двенадцать часов работал с ноутбуком.
– Просыпайся! Самолет идет на посадку, – разбудил он

друга, когда капитан экипажа сделал объявление.

– Что?

– Мы уже в Москве, вот что! Пока ты спал, я успел написать две главы.

– Быстро долетели...

– Твои друзья... Они нас встретят? – спросил Уолт.

– Да, наверное.

– Что значит «наверное»?

– Какое-то странное ощущение! – нахмурившись, произнес Питер.

– О чем ты?

– Как будто какое-то предчувствие.

– Слушай, давай о предчувствиях поговорим, когда приземлимся.

– Хорошо, – согласился Питер. – Так ты говоришь, что написал сегодня что-то?

– Закончил вторую главу минут пятнадцать назад. Даже не знаю, чем вызвано подобное вдохновение.

– Это Россия. Страна писателей и поэтов, – предположил Питер.

– Если так, то я остаюсь здесь жить, – пошутил Уолт.

– Осторожно, это еще страна нищих и безработных, – продолжил друг и добавил. – Тем более, мы с тобой здесь всего лишь на несколько дней.

– А что потом?

Питер не стал отвечать, а лишь посмотрел в окно иллю-

минатора, в котором увидел огни аэропорта.

* * *

Катя оказалась на железнодорожном вокзале и сразу прошла к кассе ближнего следования. С собой у нее были только деньги и паспорт: остальное сгорело вместе с квартирой. На работе она взяла отгул на неделю, чтобы навестить тетьку. Поскольку должность ее была незначительной, получить небольшой отпуск не составило труда.

Купить билеты на поезд «Москва – Санкт-Петербург», который отбывал через два часа, ей не удалось: свободных мест не оказалось. Следующее отправление было только через семнадцать с лишним часов. Поскольку выбора все равно не было, она взяла билеты на поезд номер 201 и расположилась в зале ожидания. Огромные часы напротив показывали 07:50 – время отправления ее состава. Стрелки не двигались. Очевидно, они остановились. Катя не придавала значения этому совпадению. Она закрыла глаза и начала представлять стук колес поезда и меняющиеся за окном пейзажи.

* * *

В аэропорте, как Питер и обещал, их встретили его друзья. Дмитрий и Елена, так звали молодую пару, порекомендовали

добираться до Петербурга на поезде.

– Это будет и дешевле, и удобнее, – уверили они.

– Ну, если так, то действительно думать не о чем, – сказал Уолт.

– Питер, надеюсь, ты еще не позабыл русский? – спросила Елена.

– Нет, конечно, – ответил он слегка с акцентом.

– Отлично, значит, вы не пропадете в случае чего...

– Его ломаный русский оставляет желать лучшего, – произнес чуть хуже Уолт.

– Куда мне до тебя, – Питер возмутился.

– Вижу, трудностей с языком у вас не возникнет, – расхохотался Дмитрий и добавил. – Уже поздно. Может, переночуете у нас, а завтра я отвезу вас на вокзал, там и купите билеты.

– Отличная идея, – поддержала Елена. – Тем более мы столько лет не виделись.

– Давайте так и поступим, – Питер согласился, а потом спросил мнение друга. – Едем?

– Пожалуй.. Я и сам устал.

Достигнув единогласия, они отправились к парковке, где их поджидал старенький автомобиль.

– Вижу, ты до сих пор увлекаешься антиквариатом, – пошутил Питер.

– А я вижу, ты остался тем же неисправимым шутником! – друг, кажется, совсем не обиделся, а, напротив, подхватил

волну юмора, которая захлестнула Питера при виде двадцатилетнего мерседеса.

Они сели в машину и покатались по ночной Москве в один из спальных районов.

* * *

Дом, в котором жила Марта, был выставлен на продажу. Рядом с почтовым ящиком красовалась табличка с надписью «срочно». Лео зачем-то пришел сюда вечером. Он поймал себя на мысли, что ничего не знал о семье Марты, принадлежал ли этот дом ее родителям или они его арендовали, почему они переехали и где именно в Европе решили остановиться. Рассматривая идеально выстриженный газон и темные окна, он вспоминал каждое слово, которое Марта сказала в тот последний для них вечер. И хотя он не курил, ему впервые захотелось вдохнуть сигаретного дыма. Казалось, весь мир отвернулся от него. Да и не нужен был ему этот мир! Ему нужна была лишь одна его частичка... Марта... Он все бы отдал, чтобы снова услышать ее молчание...

* * *

Зал ожидания был полон. Люди ждали объявления посадки. Стрелки на вокзальных часах бегали по циферблату в

разные стороны, словно механизм вышел из строя. Пассажиры, готовившиеся к выходу на перрон, беспокоились, что из-за очередной неразберихи со временем отправление поезда отменят. Наручные часы Кати тоже чудили. Они встали, показывая 07:50.

– Что за ерунда? – шепнула она себе под нос и принялась крутить заводное колесико.

– Не подскажите, сколько времени? – обратилась она к старику, который только что сел рядом с ней.

– Время, дочка, 05:20, – ответил он ей. По голосу она узнала мужчину, который появился вчера в ее жизни при загадочных обстоятельствах. Выглядел он иначе, хотя черты лица казались знакомыми.

– Снова вы! Вы меня преследуете?!

– Говори громче, дочка. У меня со слухом плохо, – старик наклонился к ней.

– Вчера у вас было плохо со зрением! – выкрикнула она так громко, что мигом привлекла внимание окружающих. Кто-то даже решил заступиться за пожилого мужчину.

– Как вы можете его защищать?! – Катя не успела договорить. Она почувствовала острую боль в лодыжке. Опустив глаза, она увидела черного лабрадора, который впился зубами в кожаные ботинки. После короткой команды хозяина пес выпустил ногу, сел рядом и принялся недружелюбно рычать.

– Это же ваша собака! – вскрикнула она.

– Не опоздай на поезд, Катя, – с этими словами мужчина вскочил и побежал прочь, будто это был и не старик вовсе, а двадцатилетний мальчишка. Катя кинулась за ним. Она словно одержимая расталкивала людей у себя на пути и даже не замечала, как земля уходит из-под ног. С каждым шагом она поднималась все выше, словно по невидимой лестнице, утрачивая чувство притяжения. Так продолжалось до тех пор, пока она не оказалась под вокзальным потолком.

Катя проснулась и первым делом посмотрела на часы. Время было 05:20.

* * *

Питер и Уолт были уже на вокзале. Кругом бегали люди. Все куда-то торопились. Дмитрий вручил билеты, которые только что купил в кассе.

– Вам повезло. Урвал два последних, – он крепко обнял Питера. – Ну что... Счастливого пути. Если будете в Москве, заезжайте. Будем рады. Не знаю, когда мы с вами еще увидимся...

– Только если в следующей жизни, – пошутил Питер. – Когда отправление?

– Через два с половиной часа...

Друзья попрощались, обменявшись крепким рукопожатием. Питер и Уолт прошли в зал ожидания. Свободных мест не оказалось. И им ничего не оставалось, как расположиться

на своих сумках.

* * *

Тусклый свет ночника слегка освещал комнату. Лео было грустно настолько, что становилось даже тошно. Он уселся в любимом кресле и осматривал стеллажи, которые ломились от книг, глазами пытаясь найти ту, что еще не успел прочитать. Но таких книг у него не осталось. Окружающая обстановка на него сильно давила. С ума сводили серые мысли, которые то и дело лезли в голову. Он не знал, как будет жить дальше: ведь не стало человека, которого он мог слушать часами. Не было рядом и того, кто мог слушать часами его самого. Он размышлял о десятидневной поездке во Францию, но как ни старался, не мог представить, какой будет его жизнь по возвращению.

Он вспоминал Марту, ее лицо, взгляд и улыбку. Вспоминал, как слушал ее молчание.

Все это время Марта делала напрасные и неуклюжие попытки стать для Лео родным человеком.

Но он всегда считал и ощущал себя одиноким. Одиночество было у него в душе, глубоко. Оно стало частью его жизни. И он привык к нему, и потому не мог признаться себе в своих желаниях. А хотел он лишь одного – чтобы в его жизни появился тот, кто сумел бы занять место, отводившееся в его

душе одиночеству. Он этого желал, как желает глотка воды умирающий от жажды в самом сердце пустыни, и боялся... Боялся, что кто-то заполнит ту пустоту, которая предназначалась грусти. Ему нравилось быть одиноким. Он не знал почему... Но так было легче. Было легче быть несчастным, чем счастливым...

Марта... Это сделала она. Она сумела излечить его от тоски. Но занять место в сердце Лео ей так и не удалось. Он не позволил...

Он понял, что был не одинок, лишь когда стал по-настоящему одиноким... Будь у него возможность, он бы вернул назад время. Но зачем – этого он не знал.

* * *

– Наше купе №13, – сказал Питер, посмотрев на билет.

– Чертова дюжина. Лучше просто не придумашь. Начиная терять надежду, что мы доберемся без происшествий до места назначения, – кинув рюкзак, проворчал Уолт.

– Да брось! Что может с тобой случится в поезде? По-моему, в мире нет безопаснее транспорта, чем железнодорожный. Ведь так? – ухмыльнулся Питер.

– Так-то это так. Но не с тобой.

– Не знаю, как ты, но я хочу спать. Так что, я на отбой. А ты, если желаешь, можешь поискать себе приключения, только сильно не увлекайся, – сонно промычал Питер и, по-

ложив голову на жидкую подушку, мгновенно захрапел.

–Так я и думал, что вместе нам скучать не придется, – прошептал Уолт и достал ноутбук.

Поезд тронулся.

* * *

Картинки, мелькающие в мутном окошке купе №12, напоминали Кате старый диафильм. Она смотрела вслед сменяющимся пейзажам и словно убегала из пустоты в никуда. Зачем? Катя не знала и боялась узнать. Она гнала прочь мысли о том, что с ней будет, когда она приедет в Петербург. Предсказуемость жизни утомляла.

Ее мысли менялись так же стремительно, как поезд миновал один пункт назначения за другим. Она ничего не ждала. Просто устала. Ей становилось грустно каждый раз, когда состав делал остановку, ведь она понимала, что скоро конечная. Ее остановка. А ей нравилось просто ехать, проноситься мимо больших и малых городов и наблюдать из окошка. Казалось, так могла пройти целая вечность, а она все ехала бы и ехала. И неважно куда. Неважно зачем. Главное, чтобы поезд не останавливался...

* * *

Еще никогда Кэтрин не чувствовала себя лучше, чем сейчас. Впервые она ощущала свою причастность к чему-то важному. И сегодня грустно ей становилось, лишь когда поезд делал остановки...

Увидев, что Питер проснулся, Уолт стянул наушники и возмущенно произнес:

– Ты храпел, как танковая дивизия.

– Что делаешь? – сонно протянул друг, протирая глаза.

– Заканчиваю пятую главу. Не думал, что путешествия на поезде могут так вдохновлять. Если бы не твой чудовищный храп, написал бы больше.

– Долго нам еще ехать?

– Более чем. Смело можешь поспать еще часа четыре, – усмехнулся Уолт.

– Пожалуй, так и сделаю. Открой окно. Душно, – поправив подушку, Питер повернулся к стенке и засопел.

* * *

Поезд укачал Катю. Она закрыла глаза.

– Добрый день, – поздоровался вошедший в купе незнакомец. С собой у него не было ни чемодана, ни дорожной

сумки. Катя решила, что он зашел на последней станции и наверняка выйдет на следующей, а потому в скором времени она продолжит свое путешествие в одиночестве. По крайней мере, ей хотелось так думать.

Она улыбнулась.

– Как смотрите на то, чтобы познакомиться? – молодой мужчина был явно не из тех, кто любит ездить в тишине. И чтобы избежать дальнейшего нежелательного разговора, Катя вежливо отказалась:

– Я не знакомлюсь в поездах. Извините.

– А где знакомитесь?

– Знаете, это не лучший способ поддержать разговор, – она старалась не обидеть своего попутчика, ведь им предстояло ехать вместе несколько часов, поэтому каждая ее фраза сопровождалась доброжелательной улыбкой.

– Может, вы подскажете, как это лучше сделать? – мужчина явно был не намерен отступить.

– В другой раз... Вы как-то странно говорите.

– Как?

– С акцентом.

* * *

– Я думал, мой русский безупречен, – пошутил Питер.

– Вовсе нет, – милая незнакомка ответила так, что в ее словах не за что было ухватиться.

– Как можно быть одновременно такой доброжелательной и недружелюбной?

– Доброжелательная и недружелюбная – это взаимоисключающие понятия, – сделала замечание девушка.

– Вот и нет, – у Питера было достаточно опыта общения со слабым полом, чтобы различать все оттенки женского настроения. – Ты улыбаешься, что указывает на твою доброжелательность. Но отвечаешь так, чтобы не было возможности продолжить разговор. Это говорит о твоей недружелюбности.

– Вы лингвист, оказывается. Да еще и психолог. Мы вроде не переходили на «ты», – лицо девушки изменилось.

– Я перешел. И ты присоединяйся, – Питер имел дело с разными женщинами. Одни капитулировали под силой его обаяния сразу, другие, не сумев устоять, сдавались позже. Поэтому он был уверен в своей победе. В глазах девушки зажглись искорки одновременно и злости, и интереса, а это значило одно – осталось сделать совсем немного, чтобы расположить ее к себе.

* * *

– Я не знаю, откуда вы. Собственно, мне это и неинтересно...

– Я из Кливленда. Знаете, такой город в США? – не дав

договорить, перебил незнакомец.

– Я же сказала, мне это неинтересно, – Катя не могла не улыбаться. А потому казалось, что ее слова противоречат жестам и мимике.

– А я все-таки скажу, – никак не мог уговориться иностранец.

– Ты уговонишься или нет?

– Вот мы и перешли на «ты», – подловил ее молодой человек.

* * *

Пока Питер спал, Уолт не отрывался от работы. Он писал и писал. И казалось, его пальцы не успевали щелкать по клавиатуре, так быстро рождались в голове мысли. Иногда ему даже казалось, что он за кем-то записывает.

– Ты очень красива. Тебе, наверное, все завидуют, – сказал незнакомец Кэтрин.

– Даже если так, они не знают, чему завидуют, – тут ее взгляд помутнел. Она опустила глаза, и ее бледные щеки разрезала прозрачная слеза.

– А куда ты едешь?

– Куда и все в этом поезде. В Петербург.

– Я бывал в России в прошлом, но в Петербурге ни разу. Мечта всей моей жизни, – сказал он, хотя на самом деле так не считал.

– Забавно, – равнодушно произнесла Кэтрин.

– А ты о чем мечтаешь?

– Ни о чем, – ответила она и уставилась в окно.

– Так не бывает. Все о чем-то мечтают.

– А я нет. Я запретила себе мечтать. Это непозволительная роскошь, – Кэтрин не сдержалась и выдала как есть.

– Почему же?

* * *

– Мечты мешают жить, – ответила Катя.

– А мне кажется, наоборот. Они делают жизнь легче.

– Легче, оттого что в своих мечтах ты можешь быть тем, кем в реальной жизни тебе не стать? – Катя принялась сыпать риторическими вопросами. – Или легче осознавать себя никчемным каждый раз, когда мечты не сбываются? Или легче жить в мечтах, зная, что им не суждено сбыться? Это, по-твоему, легче? – выговорившись, она тяжело вздохнула.

– Я не то имел в виду.

– Неважно.

– Значит, ты все-таки мечтаешь?

– Мечты заставляют в них застревать. Они засасывают, как болото. Вынуждают ждать. А у меня сил больше нет. Да и времени тоже.

– Ты так говоришь, будто...

– Будто скоро умру? – Катя продолжила мысль незнакомца. – Я уже умерла. Причем давно.

– Зачем ты так?

– Я умерла, еще когда приняла свою судьбу такой, какая она есть. Я больше не в силах ей сопротивляться, – разоткровенничалась Катя. – А мечты... Они только мешают. И делают больно...

* * *

У попутчицы в душе что-то болело так сильно, что завязался совсем нетипичный для двух незнакомцев разговор. Питер впервые увидел, что такое застывшее внутри человека горе.

– Знаешь, ни одно мое желание никогда не осуществлялось. Ни одна мечта не претворялась в жизнь. Попроси я на Новый год, на Рождество, где угодно и когда угодно, – призналась девушка.

– Миллионы людей живут мечтами, – Питер сказал первое, что пришло в голову. Еще ни разу ему не приходилось поддерживать такой разговор с незнакомыми людьми, поэтому он слегка растерялся.

– Люди живут не мечтами, а мыслью о том, что когда-нибудь их мечты станут реальностью и желание исполнится. И мысль эта облегчает им жизнь.

– И что же теперь не загадывать желания? Не мечтать, по-

твоему?

– Какой в этом смысл? Ведь сбываются лишь те желания, которые в силу осуществить самому человеку. Ведь если я буду мечтать о том, чтобы взлететь, у меня не вырастут крылья. Зачем же тогда такое желать?

– Ты не веришь в чудеса?

– Дело не в этом. В чудеса не нужно верить или не верить, они просто с кем-то происходят, а с кем-то нет, – девушка отвела взгляд и уставилась в окно.

– Но чаще они все-таки происходят с теми, кто в них верит, – уточнил Питер.

– А еще чаще тем, кто в них верит, они разбивают сердце. Просто не нужно мечтать, – заключила незнакомка.

– А ты не думала, что мечты не сбываются, потому что исполнение желания не сделает тебя счастливой...

– Исполнение, возможно, и не сделает меня счастливой, а вот неисполнение, определенно, делает меня несчастной, – перебила Питера попутчица.

Наступила неловкая пауза, будто тема себя исчерпала. Но Питер все еще не добился поставленной цели.

– Забавно, – он улыбнулся. – Мы тут с тобой спорим уже около часа, а я даже не знаю, как тебя зовут.

– Меня зовут...

– Питер, вставай, я тебе сказал, – послышался голос Уолта.

– Чего тебе надо?

– Хотел спросить, будешь ты кофе или нет.

– И для этого решил меня разбудить?

– Так будешь или нет?

– Что буду?

– Кофе...

– Черт бы тебя побрал, Уолт... Я тебя когда-нибудь убью! Я такой сон видел...

Уолт высыпал пакетированный растворимый кофе в пластиковый стаканчик с кипятком, перемешал смесь и отхлебнул:

– Ну и гадость... Это тебе не Старбакс, – заключил он. – Слушай, я тут столько написал, пока ты спал. Хочешь почитать?

– Сейчас я хочу в туалет...

Уолт усмехнулся, он понял, что это значило «нет». Питер встал, размял шею, похрустел пальцами и отправился в са-кральную комнату.

* * *

Катя так крепко спала, что даже не заметила, как поезд сделал остановку. Проснувшись она от посторонних голосов. Рядом невысокая пухловатая женщина разбирала сумку. Напротив сидел мужчина лет сорока и мальчик, совсем подросток. Вероятно, семья зашла в поезд на последней станции, и теперь Катино уединение оказалось под угрозой не только во сне.

– Извините, что потревожили. Мы просто только зашли...

– Ничего страшного, – перебила Катя и, увидев, что женщина собирается забраться наверх, сказала. – Вы можете посидеть здесь, если хотите. Я отойду перекусить.

С этими словами Катя вышла из купе и направилась в вагон-ресторан.

* * *

Роза работала в мастерской. Она смешивала краски, делала мазки, повторяла эти незамысловатые действия несколько раз. Волосы у нее были растрепаны, лишь небольшой пучок прядей на затылке она собрала кисточкой вместо заколки. Творческий беспорядок добавлял уюта и теплоты комнате. Картины, мольберт, бумага, холсты – все мерцало в зо-

лотом свете дневного солнца, пропитавшись ароматом дурманящих голову масляных и акварельных красок. Роза стояла возле мольберта босиком в белой прозрачной льняной тунике. Купаясь в легкой солнечной дымке, она сама казалась воздушной...

Света сидела в углу комнаты на диване с несметным числом подушек, расшитых бисером, и ругалась с кем-то по телефону. Роза взглянула на ворчавшую подругу и повернулась к холсту. Закрыв глаза, она почувствовала нежное прикосновение бархатного солнца и, глубоко вздохнув, продолжила экспериментировать с палитрой.

– Уму непостижимо! – возмутилась Света. – Я потратила на него столько своего драгоценного времени, а он решил меня бросить!

– По-моему, ты скорее слегка огорчена, нежели сильно расстроена, – произнесла Роза.

– Собственно, почему я должна переживать?

– Ну а как же иначе? Ты же его любила.

– Да, брось. Ничего подобного. Я просто проводила с ним время, – призналась Света.

– Выходит, ты потратила это время зря? – спросила Роза.

– Получается так.

– И что теперь?

– Буду искать нового поклонника, – произнесла равнодушно Света.

– Хм, – выдала Роза многозначительно.

– Что?

– Ничего.

– Нет уж, Роза, говори, раз уж сказала «хм», – настояла подруга.

– Ну... Ты была с Михаилом. Кстати, почему ты была с ним все это время? Полгода, если я не ошибаюсь?

– Да, полгода, – подтвердила Света. – Не знаю. От нечего делать. Говори уже, что хочешь сказать.

– Ты была с ним все это время, потому что тебе было скучно, – продолжала Роза, накладывая один слой краски на другой. – Не потому, что любила и даже не потому, что он тебе нравился, а просто, как ты говоришь, от нечего делать. И теперь выходит, что ты напрасно потратила время на человека, который этого не стоил. Тебе не кажется, что жизнь слишком коротка, чтобы расходовать свой ресурс на людей, которые не заслуживают этого. Почему бы не попытаться найти того, кто стоит тебя и твоего времени и...

– А тебе не кажется глупым, – перебила ее Света, – тратить эту молодость на одного человека?

– Жизнь – это не одна молодость...

– Ты хочешь научить меня жизни?!

– Просто представь... Те полгода, что ты провела с Михаилом, ты могла потратить на то, чтобы найти того единственного человека, с которым...

– Время мне слишком дорого, а поиски эти, как ты говоришь, могут занять не один год. Это все равно, что вести

в Петербурге археологические раскопки по поиску останков динозавров.

– Черт, – Роза сорвала с мольберта холст и выбросила.

– Что ты делаешь? – подбежала к ней Света. – Все же было хорошо.

– Нет! Получилось ужасно!

– Да что тебе не нравится?! – Света подняла с паркета скомканный рисунок. На нем была изображена пустыня, барханы, караван верблюдов. Краски смазались, но было видно, что получилось неплохо.

– По-моему, вполне симпатично.

– Я намешала слишком много красок, – сказала Роза, вставляя в мольберт новый холст. – В живописи так нельзя, как и в жизни, Света.

– Да что ты такое говоришь?

– Я тебе сейчас кое-что покажу, и ты сама все поймешь, – Роза взяла палитру, макнула кисть в желтую краску и провела по холсту. – Видишь, я делаю мазок... Я снова хочу нарисовать пустыню. Один мазок, второй, третий... Получились скромные, еще небрежные наброски.

– И что?

– Слушай дальше! – Роза была сосредоточена. – Я хочу, чтобы моя пустыня стала знойной. Нужно добавить краску. Как думаешь какую?

– Красную? – вопросом на вопрос ответила Света.

– Правильно, – Роза макнула кисть в алую краску. –

Немного зноя. Совсем немного.

Она еще сделала пару мазков, очертив барханы:

– Ты смотришь?

– Да, – ответила Света.

– Видишь, краски смешиваются. Появляются новые оттенки. Где-то светлее, где-то темнее.

– Вижу.

– Я хочу, чтобы пустыня стала более знойной. Добавлю еще красного, – она взяла кисть и макнула в зеленую краску.

– Постой, это же не тот цвет! – вскрикнула Света.

– Подожди, – с этими словами Роза небрежно капнула на пустыню зеленой краской. – Упс... Я же хотела нарисовать пустыню...

Света сделала вопросительный взгляд.

– Теперь мне придется рисовать пустыню с оазисом, – Роза принялась вырисовывать один за другим пальмы, цветы, папоротники.

– Ты настоящий виртуоз.

– Я хочу добавить еще немного красного, – Роза взяла кисть и несколько раз провела по черной краске.

– Да что ты делаешь? – Света не успела спросить, как на холсте появилась большая черная клякса.

– Кажется, я испортила картину. Придется перерисовывать, – художница вытащила из мольберта очередную холст и выбросила его.

– Зачем ты все это сделала?

– Знаешь, я сейчас возьму новый холст, снова смешаю краски и нарисую то, что изначально хотела. Если снова перепутаю красный с черным, нарисую еще одну картину и так до тех пор, пока не получу идеальный вариант.

– Будешь переводить холсты?

– Да, почему бы и нет, – ответила Роза. – Но в жизни так нельзя.

– Ты о чем?

– Я о том, что мир устроен настолько идеально, что человеку отводится жить лишь однажды, – ответила художница. – Поэтому все приходится делать идеально с первого раза. Нельзя раздвинуть рамки времени, подобно занавесу. Нельзя очистить холст, на котором творил человек всю свою жизнь. Можно сделать новый мазок, замазать старый другими красками. А вот избавиться от чернильного пятна невозможно. Понимаешь, что я имею в виду?

– Для юной девушки ты слишком мудра, – Света прикусила уголок губы.

– Первую ошибку я исправила, когда нарисовала оазис. Чистое везение... Почти как в жизни, когда есть шанс все исправить... А вот с черной кляксой такой трюк не вышел бы, каким бы искусным мастером я ни была, – Роза наконец объяснила, зачем испортила рисунок.

Света не стала ничего отвечать. Она впервые осознала, что холст ее жизни был заляпан чернильными пятнами.

* * *

В соседнем купе была открыта дверь. Проходя мимо, Питер увидел, что там ехали мужчина, женщина и ребенок. Зеленоглазой и длинноволосой брюнетки, которая ему приснилась, не оказалось. Из головы его не выходила эта лучезарная и грустная девушка из сна, которая так не любила мечтать. Она казалась такой настоящей, что Питер потерял чувство реальности и перестал различать, где сон, а где действительность.

Вернувшись в купе, он снова завалился на кровать, но снова уснуть ему так и не удалось.

* * *

Катя вернулась в купе, закрылась пледом и пыталась вспомнить, что ей приснилось. Сны она видела редко. Но даже в них она была одинока. Однако последний сон был особенный. В нем был мужчина... Но как он выглядел и о чем говорил, она не могла вспомнить, словно кто-то стер все из памяти.

– Куда направляетесь? – вдруг заговорила с ней попутчи-

ца.

– В Петербург, к тете.

– А меня Ольга зовут, – начала знакомство приятная собеседница и, указав на спящего мужчину и мальчика, добавила. – А это мой муж и сын.

– Катя, очень приятно, – представилась она и тут же спросила. – Вы в том же направлении?

– Да, тоже еду погостить, – ответила Ольга. – Вы какая-то очень грустная.

– Правда? – спросила Катя.

– Да, улыбаетесь, а глаза грустные. Нельзя улыбаться и грустить одновременно, – проницательно заметила женщина.

– Да, наверное.

– Вы очень красивая. Вам, Катя, наверное, завидуют все подруги...

– У меня нет подруг.

– Как я сразу не подумала, у такой красавицы и не должно быть подруг. Зато друзей наверняка полно, а от женихов отбоя нет. Угадала?

– Нет ни друзей, ни женихов, – Катя старалась улыбаться, но хриплый голос выдавал ее истинные эмоции. Ольга не знала, что ответить, печальные слова попутчицы навеяли грусть...

Они обе замолчали. Совсем ненадолго, но те полминуты, что они не разговаривали, показались Кате вечностью. С ней

никто и никогда не заговаривал, не утешал, не интересовался ее совсем неинтересной жизнью. И вот сейчас в поезде с ней заговорила какая-то незнакомка, и пусть она сделала это от скуки, но именно сейчас Кате казалось, что в ее жизни не было никого ближе, чем эта пухловатая и немножко несуразная женщина.

– Никто не согреет, когда будет холодно. Не рассмешит, когда будет грустно. Не схватит за руку, когда оступишься. Но и не осудит, когда совершишь ошибку, – таким нетипичным образом Катя обозначила свой статус одиночки. – Наверное, вполне можно прожить без этого кого-то.

– Да. Но чтобы жить так, нельзя оступаться, грустить и ошибаться, – добавила умудренная опытом Ольга. – Но как не делать всего этого, когда рядом не будет того, кто не позволит грустить, не даст оступиться, замерзнуть и совершить ошибки?

* * *

Джуна затеяла уборку, а Софи вызвалась ей помочь. Они навели порядок в гостиной, спальнях, закончили с кухней и перебрались в комнату, в которой гадалка проводила сеансы. Прежде чем начать, они завешали зеркала и открыли шторы. Оказалось, что эта комната не вгоняла в ужас днем так сильно, как ночью.

Подруги молча протирали пыль, но Софи все-таки не вы-

держала и завела разговор:

– Джуна, у меня из головы никак не выходит позавчерашний случай. Я, конечно, понимаю, что в это с трудом верится...

– Я думаю, об этом просто нужно забыть, будто ничего и не было. Я знаю, что тебе не показалось, но я не хочу об этом говорить, – ответила гадалка.

– Хорошо, как скажешь, – Софи умолкла.

– Ты только не обижайся, – Джуна решила объяснить. – Ты уедешь уже через неделю, а мне здесь жить и работать. Я не хочу все время бояться.

– Я все поняла.

– Знаешь, завтра вечером приезжает мой друг, – марокканка мгновенно перевела тему. – Я хочу вас познакомить. Он очень интересный человек...

– Не забывай, у меня есть муж, – пошутила гостья и тут же вскрикнула. – Боже!

С большого зеркала, того самого, в котором Софи несколько дней назад увидела чужое отражение, упала простынь.

– Слушай, тут, по-моему, уже чисто, – сказала Джуна, которая испугалась больше подруги. – Так что можем отдохнуть.

Они быстро подняли упавшую простынь, собрали оставшиеся покрывала и вышли из комнаты.

* * *

– Конечная остановка! – объявила Ольга и, ударив мужа по плечу, проворчала, – Просыпайся, соня.

– Уже приехали? – удивленно спросила Катя. – Но ведь еще рано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.